

ЭММА НУЭР

ОТ ЖЕЛАНИЯ УЙТИ ДО ЖЕЛАНИЯ ОСТАТЬСЯ

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Какое расстояние у вас?

Эмма Нуэр

**От желания уйти до
желания остаться**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Нуэр Э.

От желания уйти до желания остаться / Э. Нуэр — «ЛитРес: Самиздат», 2021

История, в которой главный преступник и корень всех несчастий - любовь. Георгий Кавалли – итальянец с русскими корнями отчаянно борется с последствиями детских травм. Он обходит стороной зеркала, ведь в собственном отражении видит тирана-отца, а неконтролируемые приступы ярости давно убедили его в том, что яблоко от яблони недалеко падает. Очередная безрассудная выходка, как костяшка домино, начинает разрушительную цепь событий: Георгий похищает известную художницу Анну Марино прямо накануне свадьбы и превращает своё поместье на живописном острове в её тюрьму. Добрый батлер Паоло вынужден стать невольным сообщником преступления и наблюдать за прогрессирующим безумством хозяина, однако с каждым днём он всё больше убеждается в том, что пленница не торопится на свободу, а за её похищением стоит конкретный расчёт... Содержит нецензурную брань.

© Нуэр Э., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3. Две недели ранее. 31 июля. Флоренция. Особняк Марино	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Глава 8. Двумя месяцами ранее	22
Глава 9	25
Глава 10	29
Глава 11	32
Глава 12	35
Глава 13	39
Часть 2	42
Глава 1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эмма Нуэр

От желания уйти до желания остаться

Часть 1

Глава 1

Усталые и опухшие глаза быстро привыкли к полумраку, они полюбили его.

Тело Бернардо растеклось в кресле. Ни одна его конечность больше не могла пошевелиться, словно весила целую тонну. Камин мирно потрескивал и убаюкивал не знающую сна голову, тепло огня нежно припекало щиколотку справа, а светляки, рождающиеся из пламени, устремлялись ввысь к бескрайним потолкам холла, нависших на колоннах-титанах, но в одно мгновение таяли в гуще мрака, словно метеоры. Такой была и надежда Бернардо – на ошупь и на цвет. Она медленно превращалась в бесцветную субстанцию.

Мысли в бедной голове мужчины беспорядочно играли в гольф, и ничто не могло выдать этой бешеной гонки внутри – свирепого урагана, взрывающего белое вещество и размазывающего его по черепной коробке.

Глаза. Они были неподвижны и безжизненны.

– Бернардо! – раздался издалека надрывный женский голос.

Он вздрогнул.

– Бернардо, кто-то посмел отключить его! – голос женщины был на пределе своих возможностей и приближался к холлу.

Жена Бернардо, словно обезумев, тараторила себе под нос невнятные слова: ее сухие губы застыли приоткрытыми, и лишь язык хаотично метался от неба к нижней челюсти.

– Не горит... Не горит...

Бернардо с усилием поднялся с кресла и в полумраке разглядел свою жену Агнессу. Ее лицо оцепенело на безликих окнах, выходящих в сад.

– Все хорошо, милая. Я сейчас же дам распоряжение, и освещение во дворе вновь зажгут. Это какое-то недоразумение... – вздохнул Бернардо и спрятал в своих объятиях Агнессу, которая больше не могла сдерживать слёз. – Бьянка! Подойди.

В соседнем зале послышался стук каблуков. Служанка с короткой стрижкой в тщательно выглаженном голубом фартуке спешила на зов работодателя и наспех вытирала мокрые пальцы о салфетку.

– Вы меня звали, синьор Марино?

– Звал. Фонари в саду. – грозно кивнул он сторону окна. – Кто их отключил?

Бьянка растерялась и нахмурила тонкие брови, прорисованные черным карандашом.

– Я... Уже поздно, и я решила погасить свет.

Агнесса вырвалась из объятий Бернардо и коршуном замахала руками:

– Никогда! Никогда не смей его отключать! Слышишь?

– Тише, тише, милая. Присядь. – успокоил жену Бернардо и помог сесть.

Бьянка проглотила ком и с ужасом ожидала своего увольнения.

– Простите меня, синьора Марино. Я не хотела...

– Не извиняйся, Бьянка, Агнесса немного вспылила. Ты же знаешь, что наша дочь пропала?

– Ко... Конечно. – неуверенно кивнула она.

– Ты работаешь у нас недавно, поэтому не знаешь о некоторых негласных правилах этого дома. Когда наша Анна уходила из дома вечером, мы не отключали свет в саду до тех пор, пока она не возвращалась. Всем это известно, поэтому имей в виду, нельзя отключать фонари до прихода Анны домой.

– Но ведь ее нет уже несколько дней...

– Бьянка!

– Я вас поняла, синьор Марино. Извините...

– Можешь идти.

Девушка молниеносно прокрутилась на каблучке назад и, скатав губы трубочкой, с облегчением освободила переполненные воздухом легкие. Стук ее каблучков в полубреду отдалялся от ушей Агнессы. Она запрокинула голову.

Проклятое кресло – оно словно было облито смолой, тело в нем мякнуло белым свежим хлебом в молоке... Сколько ночей она не смыкала глаз – две, три? Ровно столько, сколько ее девочка не появлялась на пороге своего дома.

Агнесса издала истошный всхлип, вырвавшийся прямо из глубины, словно его сдерживали сотни стен, но оборона была разбита. Лицо женщины налилось красками рябинового вина и исказилось в гримасе. Боль была невыносимой: всхлип за всхлипом. Вдох за вдохом...

Освещение в саду вновь озарило зеленые насаждения и массивные ветви, и в холле стало немного светлее. Тени пламени на стенах слились с силуэтами изящных деревьев. Бернардо подошел к окнам и поднял глаза на небо: розовый румянец восхода, было около пяти утра.

Плач Агнессы за спиной внезапно стих. Бернардо обернулся к жене и увидел ее взгляд, прикованный к журнальному столу: новый выпуск «Fortune» лежал среди прочей макулатуры. Она бережно взяла его в руки и трепетно провела холодной ладонью по глянцевої обложке.

– Прекрасное вышло интервью. – выдавила она. – Анна была такой счастливой, помнишь? Как воодушевленно она рассказывала о своем новом пейзаже.

Женщина прикрыла веки, вспоминая события этого дня. Ее густые брови еле заметно затрепетали, а по щеке пробежала слеза.

Агнесса вновь открыла веки. На обложке красовалась семья Марино – ее семья. Муж держал ее за руку, сидя в хозяйской раскрепощенной позе на кожаном диване, а Анна стояла рядом, деловито сложив изящные кисти, и улыбаясь своей широкой ослепительной улыбкой, за которую боролись все журналисты Флоренции. Единственная дочь. Любимая дочь. Драгоценная.

– Я был так несправедлив к ней, Агнесса. – прокричал Бернардо, растирая слезы по всему лицу. – Мои упреки, нотации... Я был зол на нее из-за отказа участвовать в нашем семейном деле... Господь всемогущий, вдруг она сейчас сидит где-то и думает, что отец ее не любит?!

Он спрятал лицо в ладонях, и сквозь них послышались глухие голоса слез.

Агнесса сжала губы и легла грудью на сторбившегося поникшего мужа, прильнув мокрой соленой щекой к надежной спине.

– Как же мы теперь будем жить, Бернардо? Прошло уже 4 дня...

Время играло в свои игры, и на этот раз оно было отнюдь не стороне Марино.

Сад за окнами насыщался ранними утренними лучами, а усталость все больше и больше вытягивала последние силы из супругов. Агнесса задремала, повиснув прямо на спине Бернардо, но он словно нарочно вздрогнул всем телом. Женщина потянула чугунную шею к потолку и устало потеряла виски.

– Все готово. – прошептал Бернардо. – Взгляни.

Он протянул жене планшет с видеофайлом.

– Что это?

– Знакомый с телевидения прислал мне смонтированный новостной выпуск об Анне. Его пустят в эфир и распространят во всевозможные информационные и социальные ресурсы в 8:00.

Агнесса кивнула и приковала свои глаза с сухими песчинками соли на ресницах к экрану. «Play».

«Уже четвертые сутки вся итальянская полиция разыскивает двадцатипятилетнюю Анну Марино, дочь генерального директора одной из крупнейших холдинговых компаний MarinoWideUnion, интересы которой, лежат в областях строительства, транспорта и логистики.

5 августа Анна отправилась в свою художественную мастерскую, расположенную на улице виа Кайцайуоли, но так до нее и не добралась. Ее футляр с полотнами был найден в пяти кварталах от нее. Все материалы, как и она сама, пропали. Отсутствие следов и свидетелей наводит стражей правопорядка на мысль, что похищение художницы было тщательно спланировано. Расследованием сейчас занимаются самые лучшие детективы Флоренции, поиски ведутся днем и ночью. Бернардо и Агнесса Марино объявили награду в 10 млн. \$ за любую информацию, которая поможет в поисках дочери».

Ролик оборвался также резко и неожиданно, как и начался.

– Это – наша последняя надежда. – безжизненно протянул мужчина.

Агнесса больше ничего не понимала: она откинулась головой на мягкую спинку кресла и сняла тяжелый перстень с указательного пальца правой руки, обнажив на нем маленький шрам. Золотая пряжка часов щелкнула и упала рядом, женщина сбросила все обременительные побрякушки на стеклянный стол и сомкнула слипшиеся ресницы.

– Где же ты, милая...

Глава 2

Она спит. Забылась самым безмятежным сладостным сном... Где-то там в глубоких и мутных водах подсознания она видит меня. Видит нас. Наверняка... Вот, уголок ее бархатных пересушенных губ слегка дрогнул. Улыбается. Невероятная улыбка...

Что за наваждение, чёрт возьми? Что она со мной сотворила?! Во что превратила...

Ладонь скользнула по неподвижному бесцветному лицу. Даже такой – посапывающей из-за заложенного носа, с нездоровым оттенком кожи и приоткрытым ртом – она была прекрасна. Спутанные волосы цвета золотого колоса змеями обвивали шею, закрывая своей чешуей очаровательные созвездия родинок.

Серая ладонь спустилась к смуглой вздымающейся во сне груди, кончики пальцев прочертили ломаную линию по ключице, затем бережно собрали локоны и отодвинули их за плечо. Девушка издала тихий хрип через диафрагму, и ее веки задрожали. Парализованное психоактивным веществом тело боролось за возвращение к привычному состоянию – боролось как могло, боролось уже третьи сутки. Пробуждение давалось нелегко.

Мизинец руки, а затем остальные четыре пальца впились во что-то мягкое и воздушное. – Что... что... – приоткрылись сухие губы.

Веки все еще не поддавались – пульсировали как кожа над лучевой артерией, но разум постепенно обретал форму, пока еще зыбкую, как мыльный пузырь, но девушка уже крепко ухватилась за эту реальность – она могла чувствовать. Она ощущала, как тело соприкасается с шелковой поверхностью, осязала кончиком носа невесомые порывы сквозняка, а в них до боли знакомый аромат. Это был точно он – запах мускатного ореха.

Шум в ушах рассеивался, и слуха постепенно стали касаться едва уловимые шорохи. Эти шорохи было ни с чем не спутать – дыхание неподалеку. Чужое надрывистое дыханье.

Рядом кто-то был, и это был он.

– Что со мной происходит...

Она пришла в себя. Вот-вот откроет глаза. Ну что ж, давно пора...

Высокий темноволосый мужчина расстегнул верхнюю пуговицу на черной рубашке и резко поднялся со стула, стоящего рядом с кроватью. Он подошел к витражам и распахнул их, наполняя комнату свежим воздухом.

Раз, два, три, четыре, пять... Пять шагов. Он что-то открыл, кажется окно. О да... воздух. Девушка сделала вдох полной грудью.

Запах моря...

Это было чудесно.

За спиной послышались звуки продавливающейся перины.

– Уго, что происходит?

Мужчина прищурился, изогнул правую бровь и развернулся лицом к собеседнице. Она смогла перевалиться на бок, но рухнула лицом вниз. Слабость... Страх... Тяжесть.

– Уго, отвечай. Я теряю терпение! – насупилась Анна и впилась ястребиными когтями в одеяло, пытаясь встать. – Чей это дом? Я слышу шум прибоя и чувствую запах моря. Как далеко мы от Флоренции?

Странно... Что я сделал не так? Ян уверял, что такой концентрации экстракта аргиреи¹ достаточно, чтобы спровоцировать временную амнезию...

– Что ты молчишь?! Чёрт... Прекрати сверлить меня своим взглядом. Не подходи! Слышишь?! Стой на месте!

---

¹ Роза Гавайская или Аргирея жилистая – многолетний цветок-энтеоген, содержащих психоактивные вещества.

Угрозы Анны были тщетны: его глаза, как два смертоносных лазера прожигали ее насквозь. Мужчина бестактно подступил к кровати и сел обратно на стул. Упрямая Анна все более неумело скрывала нарастающий внутри ужас и прижимала к груди одеяло.

– Как я сюда попала?! Что это за место?!

Её глаза беспорядочно метались из стороны в сторону – то на ужасающе хладнокровное выражение лица знакомого Уго, сидящего буквально на расстоянии вытянутой руки, то вверх, то вправо, то влево. Она пыталась вспомнить... Хоть что-нибудь вспомнить! Хоть что-нибудь...

Она разглядела пространство вокруг: светло и чисто. Маленький диван, стол, дверь наружу, еще какая-то дверь. Лестница на небольшой отступ на втором этаже. Окна, а за ними... Поразительно! За этими невесомыми тонкими тюлями, плавно развевающимися от малейшего дуновения теплого ветерка, виднелся океан. Бесконечный, изумрудный, тянущийся к краю света – свободный и дикий океан.

– Здесь завтрак для тебя. – неожиданно отрезал знакомый голос, заставив содрогнуться от неожиданности. – Поешь. Кстати, твой любимый апельсиновый сок с мякотью. Поможет набраться сил.

Карий глаз с желтой радужкой задергался. Тело было ватным, и даже сердце больше не колотилось, как турецкий барабан. Эта слабость – единственное, что препятствовало Анне вцепиться в горло Уго, который откровенно издевался над ее беспомощностью, ведь этот страх перед неизвестностью постепенно перетекал в сосуд ярости и гнева.

– Что ты натворил?! Где я, чёрт возьми!

Мужчина выдавил усмешку и скривил уголок рта.

– О каком завтраке ты говоришь?! Моя голова разрывается от боли! Я с трудом двигаюсь! А ты сидишь истуканом и испепеляешь меня своими одержимыми глазами... Ты псих, верно?!

Он бесстрастно моргнул.

– Что ты со мной сделал?!

– Прекрати истерику, Анна. – холодно приказал Уго. – Хочешь ответов? Ты их получишь. А что касается твоего состояния – это всего лишь слабость. Плотный завтрак, обед и ужин, возможно, свежий морской воздух, быстро поставят тебя на ноги. Уж этого всего здесь в избытке.

Он самодовольно сделал глоток из стакана с апельсиновым соком, стоящего на подносе с завтраком.

– Здесь... – сквозь зубы проскрипела Анна. – Где это – здесь?!

Уго выдвинул челюсть и довольно огляделся вокруг. Неожиданно его взгляд вновь остановился на Анне.

– В моем поместье. Ты разве ничего не помнишь?

Ноздри Анны раздулись, а голова вдавилась в подушку. Душой она уже несколько раз прикончила самодовольного нахала.

– Нет! – выплеснула разъяренная девушка. – Ты бессовестно втерся ко мне в доверие – улыбался, приходил в мастерскую другом, и что в итоге? Я в «твоем поместье», вдали от всех, даже с постели встать не могу...

Мужчина опустил глаза в пол, поглаживая указательным пальцем нижнюю губу.

Аргирея все же стерла некоторые воспоминания Анны... Как хорошо, что она обессилена, иначе пришлось бы ее связывать... Но что будет потом, когда она наберется сил...

Сквозь его мысли доносились обрывки фраз и проклятия: «Сволочь». «Мой отец до тебя доберется». «Отвечай, когда тебя спрашивают».

Гнев ей был не к лицу. Определенно.

– Постарайся вспомнить, Анна. – попросил Уго, перебивая словесный поток брани. – Расскажи мне, что ты помнишь из последних событий?

Девушка дышала, как бык, сквозь зубы и заложенные ноздри, издавая и свист, и шипение.

«Что ты помнишь из последних событий?»

Уго с характерной загадочностью жадно ждал ответа. Надрывное дыхание девушки становилось тише, реже... Оно слилось с тишиной. Столкнувшись с серыми туманными глазами Уго, в отражении которых Анна всегда видела собственные пороки, она неосознанно запрыгнула в последний вагон спокойствия и равновесия. Застыла.

Глаза... Эти глаза... Портрет Уго...

Девушка попыталась собрать все хаотично разбросанные по неподъемной голове мысли. Она и Уго... Мастерская... Нагота – изящество и рельеф мускул... Она рисовала его.

В памяти замаячили кадры уже минувших моментов – самых прекрасных моментов. Капли масла на горячей коже Уго, покрытой мурашками; отсветы на выдающихся скулах и лобных костях, оттененных вечерним полумраком. Солнечные зайчики, скачущие по стенам и телам. Образы, голоса, запахи. Запахи красок, феромонов и... муската.

Глава 3. Две недели ранее. 31 июля. Флоренция. Особняк Марино

ЧСС² Анны был на максимуме. Она не могла ни минуты усидеть на одном месте: летала по всем холлам особняка, такая счастливая и непосредственная, такая живая и воздушная, какой ее помнили с самого рождения. Вся эта сумасшедшая неделя была настоящим праздником: строгий отец наконец принял ее выбор в пользу искусства, а не семейного бизнеса, или попытался это сделать, не причиняя морального и физического вреда окружающим.

Все это было не для Анны: она имела твёрдую убежденность, что только мазохист добровольно посвятит жизнь хедж-фондам отеческого концерна, даже если это MarinoWideUnion – самая дорогая публичная компания едва ли не во всей Италии. Ни за что. Достаточно и того, что от фамилии Марино вздрагивает вся Флоренция, и давно пора было внести в этот патриархат свежую ноту чего-то прекрасного, и она мастерски это делала.

– Папочка, спасибо тебе за то, что помог с открытием мастерской! Атмосфера в ней просто волшебная, ты не представляешь, как я теперь счастлива! Кстати, я уже попросила водителя перевезти в нее все мои материалы и инструменты; надеюсь, он пока тебе не нужен.

Анна набросилась сзади на шею отца, скрестив на ней хрупкие предплечья, и безуданно твердила о том, о сем: о том, какое удачное место они выбрали для ее рабочего пространства, как много света в нем, и какая стильная мебель. Все без исключения приводило ее в неописываемый восторг, и Бернардо грелся в лучах ее наивной радости. Электронный ящик разрывался от потока мейлов, но он сворачивал все вкладки на ноутбуке и слушал воодушевленные рассказы дочери.

– Разве моей принцессе можно отказать? Я лишь хочу, чтобы ты однажды не пожалела о сделанном в прошлом выборе, потому что прошлое нас не жалеет.

Бернардо до дрожи в горле любил свою единственную дочь, но был раздавлен. Кожаное кресло в Совете директоров рядом с ним было уготовано для нее и лишь для нее с первых лет обучения в Гарварде, но с них же и начались первые семейные размолвки. Детское увлечение рисованием превратилось в наваждение, и даже одержимость, но, несмотря на все палки в колесах, Анна окончила академию художеств. Ее полотна постепенно приобретали спрос на аукционах, а многие почитаемые в обществе наставники Анны прочили ей блестящее, даже великое будущее.

Бернардо гладил локоть дочери и думал о том, чему никогда не суждено было сбыться.

– Какие планы на сегодня, дорогая? – спросила Агнесса, наполнив кабинет ароматом свежего кофе. – Я случайно подслушала ваш разговор. Значит, ты довольна своей мастерской?

– Ты шутишь? Она просто великолепная!

Анна освободила отца из цепких объятий и взяла у матери вторую чашку кофе.

– Знаешь, я нашла прекрасного натурщика – его зовут Уго. Его тело, словно вылепили сами Боги по моему заказу! Мне очень повезло – он согласился мне позировать.

– Кхм-кхм. – поперхнулся Бернардо. – Не думаю, что твой жених Аурелио разделит твои восторги.

– Что? Глупости какие... Поймите, тело Уго – это настоящее искусство, и, если мне удастся оживить его на холсте, ахнет даже мой Лио.

Агнесса искоса посмотрела на мужа, отставив в сторону чашку с горьким напитком.

– Но это будет не так просто сделать. – продолжила говорить сама с собой Анна. – Понимаешь, мама, при определенном освящении блики на теле Уго играют на каждой мышце,

---

² Показатель, характеризующий частоту сердечных сокращений.

мечутся прямо по ложбинкам... Это выглядит завораживающе. Нужно быть гением, чтобы суметь изобразить это, но и это не самое главное...

– Вот как? – прервала ее мать. – Он так хорош? Спортсмен?

– Да нет же. Уго – особенный: он немного эктаморф³, но с выразительными плечами, грудью и бедрами, еще у него серая кожа, представляешь?! И это именно то, что мне сейчас нужно! Но главная моя удача – его глаза. Мама, в них горят две горящих сферы – настоящих, подвижных. Я хочу сказать, что в этих глазах столько жизни!

Анна поняла, что заболталась.

– В общем, мне не терпится приступить, и я уже опаздываю. Уго наверняка меня ждет.

Она отхлебнула на бегу остывший кофе и, схватив свою сумку и чехол с полотнами, выбежала из дома.

– Что скажешь, Агнесса? Нам стоит беспокоиться?

– Не знаю, Бернардо. Нам, быть может, и нет, но Аурелио...

Повисла минутная пауза. Взгляды супругов рассеялись по разным углам комнаты: Агнесса не могла оторваться от развесистого дерева в саду, а Бернардо – от каменной статуэтки в виде странного тощего человекообразного существа с длинными конечностями, что стояла на его рабочем столе. Их застало врасплох странное чувство. Неловкость.

– Он – отличный парень, да и день свадьбы уже назначен. – нарушил молчание Бернардо. – Я знаю свою дочь: она, как и я в ее возрасте – вся отдается призванию. Ей точно не до интрижек.

Он захлопнул крышку ноутбука. Настроение работать пропало.

– Уверен, в ее увлечении нет ничего критичного.

– Возможно, ты прав. – нехотя согласилась Агнесса.

Она опустила глаза и размазала подушечкой пальца след губной помады на своей белой чашке.

– А может быть и нет...

---

³ Тип конституции тела, склонного к худощавости.

Глава 4

Анне нравились пешие прогулки до мастерской. Путь всегда пролегал через одну из самых живописных улиц Флоренции: из автомобиля – на теплое дорожное покрытие, а дальше, как босиком по сказочному лугу. Вокруг – суета, голоса; пахнет сладкими цветами, карамелью и свежей выпечкой. Жизнь кипит лавой в просыпающемся вулкане: магазины и рестораны переполнены людьми, улыбающиеся туристы... Такие красивые лица, одежды. Какой же прекрасный город – Флоренция!

Так было, но не в этот раз: Анна едва бежала, придерживая одной рукой подол воздушного платья, которое раздувалось парусом на ветру, а другой – сжимала чехол и сумку. Она предвкушала, как уже через несколько минут возьмет в руки кисти и забрызгает весь пол и белую рабочую рубашку жирными цветными пятнами. Радуга на одежде, холсте и душе.

Он уже здесь.

– Уго, добрый день! Надеюсь я не заставила вас долго ждать? – окликнула она своего партнера, стоящего спиной. – Я немного задержалась, но очень торопилась, видите?

– Здравствуй, Анна. – поздоровался мужчина с приглаженными к затылку воском темными кудрями. Он улыбнулся, обнажив выпирающий немного вперед верхний клык. – Я как раз задумался о том, что скоро лучи солнца проникнут прямо в окна твоей мастерской. Очень боялся, что мы упустим этот момент.

– Ума не приложу, что со мной? Счет времени окончательно потерян, и я везде опаздываю. – Анна поправила растрепанные золотые локоны и улыбнулась еще шире в ответ. – Мне очень приятно, что вы внимательны к моим рассказам, ведь моя задумка может воплотиться только при правильном освящении.

Уго дернул бровями и грубо оборвал:

– Прекрати «выкать», Анна. Мы, кажется, договаривались. Я уже чувствую себя неловко.

– Договаривались? Да... Прости...

Она прижимала к себе чехол, который то и дело выскальзывал из рук.

– Давай-ка я его придержу, – выудил он металлическую трубку и мягко придержал.

Художница благодарно кивнула и, расстегнув молнию на сумке, достала ключи.

– На ты без суеты, я поняла...

Блестящий брелок замаячил в воздухе, и послышался звук отпирающейся двери.

– Надеюсь, я не обидел тебя?

– Нет.

Анна отворила настежь тяжелую дверь и изобразила приглашающий жест. Она не могла предположить, что ее натурщик мог так неосторожно подмочить настроение и сбить с нужного настроя.

Уго вошел в мастерскую, а следом за ним и она сама, заперев дверь на замок с обратной стороны. Здесь Анна чувствовала себя как дома, несмотря на напряжение, которое в первый раз за несколько дней общения с Уго возникло между ними. Она разложила свои рабочие принадлежности на столик у входа и поглубже вдохнула запах новой деревянной мебели, который так ей нравился.

– У тебя очень уютно. Я уже говорил?

– Три раза. – сухо ответила художница и предложила стул. – Портрет мы пока отложим, если ты не против, и приступим к «Nudita⁴». Одежду можешь повесить сюда.

Уго озадаченно осмотрелся вокруг.

– Что это там? – спросил он, расстегивая ремешок часов.

---

⁴ Обнаженность. Нагота.

– Это? Кое-какие вещи: цветы, статуэтки, журналы, зеркало. Я заканчиваю обустроить свой уголок и попросила водителя перевезти их сюда. Что-то не так?

– Что? Нет... Все в порядке.

Снова молчит. Что с ним сегодня происходит?

Солнце запустило первый шупалец в окно мастерской, и желтый луч пронзил таинственный вечерний полумрак. Микроскопические белые мухи кружили над головами Анны и Уго и меняли траекторию полета от малейшего их движения. Флоренция словно замерла: даже жужжание назойливых насекомых не нарушало эту угнетающую, невыносимую тишину.

– У тебя много друзей, Анна? – внезапно прогудел Уго, чем вызвал ее тихий вздох облегчения. – Говорят, твой жених – душа компании? Я не очень интересуюсь прессой, но все три ряда отполированных зубов и осветленные кудри Аурелио Риччи таращатся на меня со всех киосков.

Он развернулся лицом к Анне, настраивающей лампу у мольберта, и принялся медленно расстегивать пуговицы на темно-синей рубашке.

– Он – светлый и открытый человек, Уго, поэтому я сказала ему да. Я думаю, тебе лучше стать где-то здесь... Да, похоже, снизу понадобится еще один прожектор.

– Уверен, ты хорошо разбираешься в людях. – проигнорировал он ее попытку сменить тему и подошел ближе.

Анна почувствовала неконтролируемую дрожь в коленях и нарастающее волнение. Уго вел себя странно: улыбался и не ей, словно заговорщик; то избегал зрительного контакта, то прожигал глазами насквозь, однако от этого не становился менее желанным.

Свет уже был настроен идеально, и палитра красок разложена едва ли не в радужном порядке: каждый – красный, охотник – оранжевый, желает – желтый... Партнер снял рубашку и почему-то долго возился с брюками. Анна потупила глаза в пол и не знала, чем себя занять в этот момент и куда скрыться от этой неловкости?

Масло... Оно было где-то в сумочке.

Достав из сумки масло, художница подбирала слова, как предложить своему натурщику нанести его на себя, и в этот момент поймала его каменный взгляд в никуда. Он не двигался: стоял на одном месте с расстегнутой ширинкой.

– О чем-то задумался?

– Да, прости... – словно пришел в себя Уго. – Я наслаждался одним уникальным моментом.

– Моментом? – подняла брови Анна.

– Я не думаю, что смогу тебе объяснить.

– Попробуй.

– Ладно... Я попробую. Тобой когда-нибудь овладевал ступор, когда именно в это время, именно в этом месте с тобой происходит нечто необычное и прекрасное одновременно?

Анна нахмурила лоб.

– Ну вот смотри – видишь эту пыль? – ткнул пальцем в потолок мужчина. – Обычная, ничем не примечательная пыль, летает себе, и вроде мне, как аллергику лучше бежать глотать таблетки, но она сейчас напоминает мне первый снег там, где я вырос...

Мышцы на лбу Анны дрогнули. Она слушала его приглушенный голос и впадала в гипнотический транс, такой блаженный и обезоруживающий. Слова просачивались сквозь поры на коже и согревали пальцы.

– Просто ты вдруг понимаешь, что все вокруг так правильно, так симметрично. Параллельная вселенная, где ты еще веришь в чудеса. – закончил он мысль и отвернулся от Анны, словно и не ожидая ее ответа.

Девушка опустила ресницы, и ее одолела приятная грусть:

– Мир словно окрашивается в ржавый цвет сепии, как будто этот миг застыл на кино- пленке.

– На кинопленке... – тихо повторил он.

И снова воцарилась тишина – самая уместная и понятная для всех в этой сумрачной мастерской.

– Это то самое освещение, о каком ты рассказывала? Так на меня должно падать солнце?

– Точно, так я себе это и представляла. – вдохновилась Анна, избавившись от оков сантиментов.

Уго мгновенно стянул брюки и повесил их на стул.

– Пуля? – спросила Анна, пытаясь лучше разглядеть золотую подвеску на шее мужчины.

Она бросила ему тубик с маслом – ничего объяснять не пришлось.

– Это – не муляж. – сверкнул глазами он, поймав косметическое средство и понюхав его приятный аромат.

– Можешь не снимать свою пулю, пусть остается на тебе. Она не мешает.

Совершенство. Абсолютное совершенство. Анна разглядывала свой объект жадно, без доли стыда. В голове уже было множество идей, смешений оттенков и экспериментов с ракурами.

– Впереди часы работы. – сказала она, словно в бреду, сама того не заметив. – Можем зайти Rosapo, когда закончим. Выпьем кофе.

Уго активно растирал серые мускулистые плечи и мялся с ответом.

– Вынужден отказаться. – отрезал он, и Анну пробил в голову разряд молнии. – Отказаться от кофе: я бы съел чего-то посущественнее, например, стейк. Люблю, где побольше крови.

Чудно!

– Недалеко есть ресторан, я в нем ужинал пару раз. – продолжил партнер. – Там подают потрясающий тибон, хотя мне больше нравится морская кухня.

– Отлично! Я бы тоже не отказалась от горячего ужина, но... Если только недолго... В 11 меня заберет домой Лио.

– Разумеется. Ну вот, теперь я сверкаю, как елочный шар. Где стать? Вот здесь?

– Да, отлично. – подошла она к нему. – Руку сюда, грудь вперед, плечо немного на меня. Не так сильно. Хорошо... Лицо разверни, пожалуйста, немного на свет. Прекрасно! Все – не двигайся!

– Если тебя интересует, удобно ли мне? Ответ – нет.

– Потерпи, ты привыкнешь. Наверное...

Анна со всех ног бросилась к своему рабочему месту, схватила кисть, посмотрела на пустой холст, затем на Уго, снова на холст, на Уго.

Кисть выпала из ее рук.

– Стоп... стоп... Не то...

Мужчина дернулся на месте и, оторопев, встретил азартный взгляд художницы, которая, словно замороженная приближалась к нему. Она плотоядно осмотрела его с головы до пят и без смущения уставилась на влажные бедра Уго.

– Их тоже нужно снять.

Глава 5

Провал. Разрушительный... Унизительный провал.

От воспоминаний закружилась голова, и все, что Анна хотела в этот момент – сгинуть, просочившись сквозь земную кору, подальше от этого зазора.

– Это – нечто запредельное, верно? – спросил Уго. – То, что с нами происходило.

Девушка таяла от стыда, расплываясь воском по белоснежным простыням ее бесславия. Некогда сухие от жажды губы налились кровью, но она не хотела показать слёз. Ни за что.

– Было жарко... Узнай бы хоть одна ищейка из желтой газетенки о том, что видели стены твоей мастерской – скандала было бы не избежать. Но я предпринял все меры, чтобы уберечь тебя от этой участи.

Анна балансировала на ослабших руках, чтобы не перекатиться на бок, и багровела еще больше не то от злости, не то от унижения.

– Я была верна своему жениху! Я любила и люблю только Аурелию. Тот поцелуй в кафе был случайностью, и вообще... Поубавь свое самомнение, эта страсть – плод не твоего мужского начала, а того, кто изображен на моих полотнах, и у вас с ним мало общего, поверь мне.

– Не сомневаюсь. – понимающе покачал он головой. – И ты права, милая Анна, у нас с ним нет ничего общего, даже имени. Моё настоящее имя – Георгий, поэтому забудь об Уго. Георгий. Надеюсь, ты запомнишь.

– Все... Я отказываюсь слушать этот бред.

Анна поползла к краю кровати, и, почувствовав недомогание, рухнула обратно головой на подушку.

– Дай мне воды – в горле пересохло. – попросила она. – Чёрт... Как же мне плохо. Георгий... Что еще за Георгий... Это все похоже на какой-то безумный жестокий розыгрыш. Уверена, Лио и отец уже обыскивают каждый уголок и найдут меня даже... Даже...

– Даже на Сардинии. – иронично уточнил он, наливая воду в стакан из стеклянного графина.

– Где?!

Лицо Анны перекосило. Она яростно выхватила из его рук стакан и выпила всю воду до последней капли.

– Я вижу ты напугана, это вполне естественно: все предстает в искаженном свете. Тебе наверняка кажется, что я лживый больной извращенец, который похитил тебя, чтобы обеспечить, а наигравшись и насытившись властью над тобой, утопить в Средиземноморских водах.

Глоток воды застрял где-то посередине глотки. Стакан выскользнул из рук Анны и разбился под ногами Георгия.

– Я хотел сказать, что это – не так. – нагнулся он, как можно ближе. – Я не трону тебя. Во всяком случае, если ты сама однажды этого не захочешь.

– Отойди от меня! – оттолкнула она его от себя. – Твои слова – блеф. Были и будут.

– Считай, что я пригласил тебя на свидание. – улыбнулся мужчина в ответ и сел обратно на стул. – И учти на будущее: твои глаза и уши тебя обманывают, никогда не полагайся на них.

Что он несет?

Анна понимала, что таким, как он, нужно подыгрывать, соглашаться с каждым сказанным абсурдом и терпеливо выжидать удачный момент для удара.

Часть острова из стен комнаты казалась дикой – лишь шум волн, крики чаек, шелест листвы – никаких признаков цивилизации.

– Ты прав, Георгий. – с презрением выдавила из себя она. – Я должна поесть и набраться сил. Закрой окно, мне холодно.

Он улыбнулся и послушно последовал к источнику сквозняка, уже заведомо зная, что произойдет дальше.

Анна собрала все силы и решительно двинулась в сторону двери, ведущей вон из комнаты. В долю секунду она оказалась на ногах и сделала несколько энергичных прыжков кошки к заветной свободе. Светлый коридор. За дверью. Она его видела.

Ладонь дотронулась до медной ручки – холодной и шероховатой, и в этот момент капкан в одночасье захлопнулся. В глазах потемнело, и колени сложились как два крыла пополам.

– Не так быстро, Анна! – придерживал дверь рукой Георгий перед упавшей наземь девушкой. – До этого момента ты казалась мне разумной женщиной. На какой побег ты рассчитывала, будучи не в состоянии удержать в руках стакан воды?

Он попытался помочь ей подняться, но получил царапину на запястье и презрительный взгляд. Он все больше восхищался строптивой пленницей и тем, что все шло по предначертанному в чертогах логики сценарию.

– Знаешь, твои родители – безутешны... Они стремительно теряют надежду обнаружить тебя живой, милая Анна.

– О Боже, Уго! Ты говоришь как безумец! – она схватила за голову, в которой несколько мгновений назад произошел взрыв тратила. – Ты даже представить себе не можешь, какие беды навлек на себя! От тебя и сухого места не останется!

– Георгий. Постарайся запомнить мое имя.

– Тебе конец...

– Ты очень долго спала и тебе необходимо поесть. Я тебя сейчас оставлю, но скоро вернусь, постарайся прийти в себя и смириться.

Анна не успела опомниться, как перед ее носом захлопнулась дверь.

– Вернись! Сейчас же! – вне себя закричала она.

Ответа не последовало. Он ушел – бесцеремонно бросил ее. Запер. Похитил и заточил в своем поместье. Анна больше не знала этого человека, но он имел над ней необъяснимую власть.

Девушка через силу приподнялась на ноги и кое-как доковыляла до постели. На прозрачном столике стоял поднос с едой, а рядом – ваза с изящными белыми цветами на тонкой ножке. Они благоухали сладкой ванилью и немного притупляли этот вездесущий навязчивый запах.

Нужно было действовать, что-то решать, искать выход, но для всего этого необходимы были силы. Этот расчетливый гад все продумал. Как такое могло произойти?

Вечерами напролет ее натурщик, словно существо с другой планеты, обнажал свое тело и терпеливо держался в позе, повторяя каждые 5 минут: «Уже скоро? Можно почесать нос? Еще секунда и моя бедная спина больше не разогнется»; или, когда он почти незаметно улыбался от самых легких прикосновений нежных женских ладоней к сильным рукам, кудрявым черным волосам... С кистью в руках, обволакиваемая непреодолимой тягой писать лишь о нем, лишь его, Анна становилась одержимой. Ее уже было не остановить.

И что теперь? Все было ложью.

Глава 6

– Я могу прийти к тебе этой ночью, если хочешь.

– И не надейся...

Художница распласталась на постели, раскинув руки и ноги в стороны, и закрыла глаза. Равнодушно. Стараясь ни о чем не думать. Медитация всегда приводила ее мысли в порядок, даже в то мгновение, когда рвота и слёзы отчаянно вырывались наружу.

За дверью было тихо.

Анна свесила ноги с кровати и на пальцах прокралась к своей сумке, что лежала на столе. Все было на месте, кроме мобильного.

– Да! – нащупала она в ней маникюрные ножницы и крепко сжала их в ладони.

Какого это – всадить их прямо в человека? Она не была уверена, что сможет это сделать, но самодовольное выражение лица, резкий мускатный запах, который никак не выветривался из комнаты – всё это сворачивало кровь в творожные комки.

Невесомый тюль обернулся печальным призраком и взлетел к потолку. Сквозило.

Анна боялась сдвинуться с места: ей казалось, что ледяные серые глаза Георгия следят за ней отовсюду – шаг влево, шаг вправо... Выстрел. Бежать было бессмысленно, он все просчитал.

Она спрятала под своей подушкой блестящие стальные лезвия и, сидя на постели, вгляделась в щеколду.

Гарвард. 2 курс – дисциплина «Информационные войны». Сунь Цзы⁵.

Разбуди его и узнай принцип его действия или бездействия. Заставь его раскрыться, чтобы найти уязвимые места.

Притворись неполноценностью и поощряй его высокомерие.

– Нашлась, моя хорошая... – медленно вытащила Анна из своих спутанных волос шпильку.

Все было не так безнадежно, но голод стремительно набирал обороты. Нос учуял запах тостов и выпечки, и руки сами потянулись к тяжелому подносу на прикроватной тумбе. Анна вдохнула аромат аппетитной яичницы и записку:

Завтракать гораздо приятнее на террасе.

Георгий

Георгий... Ну и имя... – сморщила нос Анна и огляделась.

Тяжелая штора за ее спиной от потолка в самый пол была не просто так занавешана среди бела дня. Откусив кусок тоста и побив ладони друга о друга, чтобы смахнуть крохи, девушка осторожно подошла к портьеру и отодвинула ее в сторону. Круглые крепления залязгали по карнизу, и с каждым сантиметром глаза все больше поражал ослепительный свет солнца.

Это был остекленный выход на открытую площадку.

Анна оторопела и раскрыла рот. Воздух наполнил грудь свежей соленой влагой и пылью лаванды, жар солнца поцеловал ее смуглые щеки, и немой восторг застыл на измученном долгим сном лице.

Перед ней разливалось дикое море чистого бирюзового цвета. Оно простилалось до самого горизонта, и не было ему ни начала, ни конца, лишь безликие голые скалы пиками возвышались из спокойной воды, обрамляя ее каменистыми помостами после отлива.

---

⁵ Самый известный древнекитайский трактат, посвященный военной стратегии и политике и написанный Сунь-Цзы.

Анна заворуженно побрела к краю террасы, спотыкаясь на ходу о плетеную мебель и ящики с цветами. Стекланные глаза с большими черными зрачками жаждали лицезреть всю панораму, ничего не упустив из вида. Сраженная, она вцепилась ладонями в кованые кольца ограды у самого края и не могла сдержать слёз восхищения.

Девушка завертела головой в разные стороны, и потеряла дар речи от масштабов и архитектуры поместья, в котором находилась. Он висел над песчаным берегом, полностью блокируя ее путь к свободе, и слушал шепот дремлющего в неге острова.

Анна ничего не понимала и не хотела понимать. Чувства накладывались одно на другое, превращаясь в вязкое месиво так, что она больше не осознавала, кто она, и как должно быть? У нее был свой уголок на краю земли, ванная комната со всеми удобствами и косметикой, шкаф, доверху набитый одеждой по ее фигуре, и еда.

Девушка сжимала в ладонях стакан с любимым свежавыжатым соком и не могла оторваться от горизонта. Вода и небо сливались воедино, морские птицы разносили по свету свои истории, выслеживая добычу и кружа над безмятежной рябью воды, а волосы ласкал нежный, как первый поцелуй, полуденный ветер.

– Не правда ли, завораживающее зрелище?

Анна вздрогнула и обернулась.

– Ты меня напугал. Чего ты хочешь?

– Тебе понравился завтрак? Ты можешь рассказать моему батлеру Паоло о всех своих предпочтениях, или, если хочешь мне. – грузно продавил он ротанговый диван рядом с ней. – Редкостный он добряк – Паоло... Не то, что я.

Художница брезгливо отстранилась и прижалась к краю, крепко сжав за спиной острие маникюрных ножниц.

Глава 7

– Это мой любимый вид, Несси. Ты и закат.

Автоответчик уже в одиннадцатый раз повторял свою избитую фразу.

Вас приветствует Георгий Кавалли. К сожалению, сейчас я не могу ответить на ваш звонок, так что оставьте ваше сообщение при себе. Доброго дня!

– Где тебя опять черти носят... Возьми же трубку! – нервно разговаривала со своим сотовым темноволосая высокая девушка.

Гаджет то и дело отказывался снимать блок. Отпечатки влажных от волнения пальцев не считывались, и приходилось на ходу вытирать их обо что придется: то об одежду, то о занавески, даже о мебель.

«Вас приветствует Георгий Кавалли. К сожалению, сейчас я...»

– Bastardo! Figlio di putana!⁶

Кто бы сомневался, что Георгий может испортить даже такой особенный день, а потом явиться с квадратным лицом и перекошенным ртом спросить: «В чем кризис?». В последнее время его выходкам не было никакого оправдания. Он и раньше мог пропадать неделями, но не явиться в назначенный час сегодня – чудовищная подлость.

Девушка нервно потеряла кольцо на среднем пальце, подаренное ей пару месяцев назад Георгием, и сняв его, надела обратно. Еще один шанс. Еще один.

За окнами новой квартиры у ее ног лежала вся Флоренция: каменный лес из бетонных блоков, что плавился радаром солнца днем, а ночью сам превращается в лазерное шоу. Она уперлась лбом в стекло и безнадежно искала глазами его среди маячащих внизу точек на высоте сотни этажей, где еще несколько дней назад они вместе топтали территории жилых комплексов, лестничных клеток, давили десятки кнопок в лифтах, целовались и держались за руки, не обращая внимания на смущенного риелтора.

Пахучие лепестки красных роз были рассыпаны по всем комнатам, голубая от соли и пены вода в ванной, стоящей на выступе прямо у окна, уже совсем остыла, лишь одинокие розовые лепестки лежали на неподвижной глади воды и медленно теряли свою свежесть.

Стационарный телефон в прихожей задребезжал от звонка, и девушка опрометью схватила трубку.

– Это ты – Ванесса Грассо? – спросил низкий скрипучий голос.

– Да, это я.

– Мне нужен Георгий, и сейчас же! Ты же знаешь, где он? Ты не можешь не знать.

– Синьор Гвидичче, он должен был быть сейчас здесь, со мной, но его нет. Он не пришел... – едва сдерживаясь от слёз выдавила из себя Ванесса и повесила трубку.

Руки словно парализовало. Он не придет.

Ванесса достала из-под ванной квадратное зеркало и поставила перед собой. Она сидела на коленях, и ее короткие пальцы гладили собственное отражение, пытаясь стереть с него горячие слёзы, убрать со щек густые каштановые волосы, смахнуть их с плеч, страстной груди, и липких губ, покрытых розовым прозрачным блеском.

Не выдержав давления предательских мыслей, девушка окончательно разрыдалась, с упованием наблюдая, как макияж, который она так старательно наносила почти час, растекается

---

⁶ (Ит.) Ублюдок! Сукин сын!

вокруг век, по щекам, к шее. Она не могла вспомнить, когда ей до этого момента, было также больно. Длинный острый клинок медленно и мучительно вонзался в грудь, в самое сердце.

Как она могла снова ему довериться?

Глава 8. Двумя месяцами ранее

Вечер для двоих: провокация. Захват. Огонь.

– Когда ты рядом, Несси, я скован по рукам и ногам. – плотоядно скользнул глазами Георгий по бедрам Ванессы, выше к шее, и затем его взгляд застыл на блаженно откинута на подушку розовом влажном лице девушки.

Она лишь слегка приоткрыла глаза и скабрёзно улыбнулась. Ее белое расслабленное тело тонуло в алом постельном белье, лишь пальцы ног были напряжены и натянуты: мучительно сладкая дрожь понемногу затихала, оставляя после себя приятный осадок наслаждения и тепла в груди после опустошения второй бутылки вина.

Георгий наклонился еще ближе к набухшим горячим губам Ванессы и, обхватив пальцами ее шею, жарко прильнул к ним.

– Даже ничего не скажешь? Я ведь не так часто делюсь своими чувствами. – спросил он, нежно глядя подбородок.

– Оставь слова о чувствах для своих шлюх, с которыми ты пропадал весь прошлый уик-энд.

Ванесса скинула с себя тяжелое похотливое тело Георгия, который был настроен на новый марфон любви, и встала с постели, обернув на груди простынь.

– О чем... – в недоумении нахмурил брови Георгий. – О чем ты говоришь? Я был у Гвидичче, как и всегда, и ты знаешь об этом. Зачем омрачать такой приятный вечер своими домыслами?

– Домыслы? Брось... Издержки профессии. Я не так глупа, как тебе кажется.

– Ты ведь знаешь, как я люблю тебя, и как много ты для меня значишь. – подскочил он и положил ладони ей на плечи. – К тому же, если мне не изменяет память, ты – журналист, а не следователь.

– И не дура... – еле слышно выдохнула из легких Ванесса, и побрела к распахнутому окну, влача за собой по полу нежный вишневым жаккард.

Полуночное небо над Сардинией было затянуто тучами, и шторм хозяйничал на море, разбивая о скалы дикие волны. К разгоряченной коже девушки прикоснулся мятежный северный ветер, который пытался задуть пламя ярости внутри нее, и ему удавалось. Дурманящий запах моря у подножья поместья глушил сердечные крики не хуже экстази⁷.

– Ты прав, мы не будем омрачать этот вечер. Лучше налей мне еще бокал вина и сыграй мою любимую мелодию.

Холодная зыбь пробежала по затылку Георгия. Нужен был разряд.

Накинув на нагое тело смятую рубашку, он нащупал в карманах брюк, что валялись где-то на полу, пачку сигарет. Запах охотничьих спичек, которыми старик Паоло обычно разжигал камин, добрался до ноздрей Ванессы, как и долгий свистящий вздох мужчины. Он наполнял тело горьким смогом, чтобы не замечать ее слёз, чтобы залить пробки в ушные раковины и не слышать дрожащих ноток в тонком нежном голосе. Не чувствовать ее боль, разрывающую суставы.

Ванесса и сама была не прочь закурить, но после двух годовой терапии от наркотической зависимости, даже игра с никотином могла стать роковой. Сейчас она была в порядке. Она научилась культивировать свои страдания и больше не прибегала к привычному успокаивающему способу – такова была цена полноценной жизни, здоровой кожи, волос, зубов, а главное рассудка. Долгий путь реабилитации и жизнь на пороховой бочке...

---

⁷ Экстази – наркотик традиционного действия, активно распространяемый в клубах.

– Простудишься. Отойди от окна. – послышался сиплый вздох с сигаретой в зубах и скрип вкручивающегося в бутылку штопора.

– Так хотелось полюбоваться сегодня звездами с террасы поместья, но небо распорядилось иначе. – обреченно прикрыла она окно. – Давно мы не любовались звездопадом на нашем пляже.

Пробка звонко выскользнула из горлышка. Тонкий хрусталь обагрился терпким напитком, и звук переливающейся жидкости защекотал слух. Ванесса взяла из рук Георгия бокал и насладились амброзией фруктового конфитюра и шоколада.

– Хочешь звезды? Твой Георгий достанет для тебя звезд.

– Что? – рассмеялась Ванесса.

Он обошел ее сзади и прикрыл глаза ладонями.

– Сейчас ты увидишь звезды. – тепло прошептал он и слегка потер ее веки.

– Эй... Полегче! – не могла удержать смех Ванесса. Вино в ее бокале расплескалось в разные стороны.

– Если ты переживаешь о своей туши, то знай – она уже давно размазалась по подушке, в которую ты кричала еще пару часов назад. Ну что? Ты их видишь?

Широкая улыбка застыла на лице Несси.

– Звезды... Я и забыла об этом детском трюке.

– Не трюк – магия. – возразил Георгий, целуя руку девушки. Он прижимал ее крепко, и в этот момент она казалась самым дорогим пиратским сокровищем на острове «Мир».

Точки в глазах Ванессы постепенно рассеялись. Запах табака от воротничка мужской рубашки так удачно перетекал в аромат Brunello di Montalcino, а интоксикация алкоголя в организме Ванессы делало ее вновь свободной и счастливой.

– За тебя, родная. – виновато улыбнулся и поднял бокал Георгий, глядя как глаза девушки становятся мутнее, а телодвижения легче. – Я действительно люблю лишь тебя, ты должна мне верить.

– Прекрати... – влила она в горло сразу треть бокала.

– Я написал для тебя кое-что: я сыграю сейчас, и все твои сомнения рассеются. – протянул он ей руку, приглашая к старому роялю в углу.

Ванесса послушно побрела за ним к инструменту и знала, что теперь она не сможет сопротивляться. Как бы не хотелось, не сможет...

Георгий отодвинул в сторону книги и ноты с крышки инструмента и посадил на него Несси. Она мягко положила свои ступни на крепкие мужские плечи, крепко сжимая на груди простынь. Мужчина скользнул пальцами по гладкой голени и прильнул к ней холодными губами. Затем его пальцы опустились на клавиши, и взгляды завязались в прочный морской узел.

Окно распахнулось от ветра, и звуки дождя и пенящегося моря наполнили комнату. Подушечки пальцев невесомо скользнули по высоким нотам. Колючая от щетины щека сладостно мучительно царапала тонкую кожу лодыжки, угольки пламени прыгали на зрачках в унисон, и этот дьявольский механизм было уже не остановить. Ноты разливались золотым ручьем, и в нем утопали самые горькие слёзы.

Георгий почувствовал, как горло запульсировало, а педаль непроизвольно топнула в пол.

Будоражающие звуки рояля грянули и отдались эхом от стены к стене. Они просачивались на террасу в ночную бурю и бились о потолок мучающегося от бессонницы батлера этажом ниже.

Ванесса облизала высохшие губы и стиснула зубы: ее сердце вот-вот навсегда остановится. Химия и страсть разрывали в клочья ноты и творили нечто невообразимое; пальцы выбивали уязвимые молоточки струн, и трицепсы Георгия напрягались все больше с каждым новым порывом. Он уже не мог молчать – душа ныла и маялась от слабости перед ней.

Член Георгий набух и под ребрами запекло клеймо. Ванесса остановила на ходу слёзы, опустошив до дна бокал, и сбросила с тела простынь, бесстыдно закусывая нижнюю губу.

Сильные руки хаотично ударили по клавишному ряду, завершая мелодию бессвязным басом. Крышка рояля захлопнулась.

Георгий набросился на Ванессу, твердо намереваясь разорвать ее на части; его руки больно сжали упругие бедра, затем грудь, горячий живот, пока язык дирижировал у нее во рту, искусанный и измученный ожиданием. Книги и подсвечники полетели на пол, туша на лету свои языки пламени.

– Как же долго я мечтал об этом! – твердил он в бреду, глиссируя губами по всему ароматному телу.

Стоны Ванессы отдавались в его голове ударными гаммами старого инструмента и разжигали новый огонь вдохновения в его серых глазах.

Глава 9

За несколько секунд адреналин в крови художницы подскочил к отметке «Мах». Георгий подбирал слова, пока возможности уничтожить его одна за другой проносились мимо. Она не решалась.

– Я хочу объяснить, почему ты здесь, Анна.

Он положил указательный палец между губой и носом и вновь смолк.

Какого чёрта ты палишься на меня? Чокнутый. Все, сейчас... Нет! Не могу!

– Я тебя слушаю, Георгий. – не выдержала Анна, ненавидя себя за нерешительность. – Как ты собираешься объяснить то, что сначала бессовестно втерся ко мне в доверие, а потом...

На глазах Анны вновь навернулись слёзы. Она не могла. Не могла этого сделать.

– А потом предал меня!

– Не предавал. – пресно возразил он.

Анна зажмурилась, пытаясь подавить эмоциональный всплеск. Линии на ее лбу изогнулись барханами в пустыне, а нос мгновенно переполнился липкой влагой. Георгий был холоден и тверд, как могильная плита, и давить на его жалость казалось столь же бессмысленным, как пытаться отгрызть собственный локоть. Этому человеку была чужда жалость.

– Я помню, как ты первый раз взяла меня за руку. А ты, помнишь? – спросил он, прикоснувшись к запястью Анны.

Девушка мгновенно одернула свою руку. Настало время всадить в его горло лезвия.

– А я помню. – продолжил он, поглядывая на неподвижную руку за спиной Анны. – Нет, это было не тогда, когда ты помогала мне принять правильное положение, и не тогда, когда я подавал тебе полотна с чердака... Это произошло в том маленьком ресторанчике недалеко от твоей мастерской, в котором мы ужинали в наш последний вечер. Было так много работы... У меня затекло все тело, и оно страшно ныло, но я не жаловался. Помнишь? Мы выпили по бокалу сухого вина, и ты хотела еще, но я говорил: «Анна, тебя ведь ждет твой жених». А ты тогда ответила...

– Замолчи! – прошипела сквозь зубы она.

Сейчас. На счет три – раз... два...

Георгий улыбнулся сам себе и встал с дивана. Он прошел вдоль террасы, обойдя стол с пустой посудой и уперся кованую ограду, отделяющую его от пропасти стихии.

Чёрт!

Море внизу смеялось, укутывая в белое покрывало пены помосты и подножья скал, пена таяла, лопалась и шептала прощальные мантры перистым облакам над их головами.

– Между мной и этим берегом внизу ровно семь секунд свободного падения. – вдруг сказал Георгий, глядя на торчащие пики скал. – Можешь себе представить эти короткие до невозможности семь секунд?

Пугающий низкий голос вторгался в самую глубь черепа Анны. Если сейчас не время применить свое секретное оружие, то оно уже никогда не настанет. Нужно было лишь решиться, и сделать всего один рывок! Всего один...

– Я так падал несколько часов. – продолжил Георгий, стоя к ней спиной. – Падал, пока вез тебя сюда, в свое поместье. Мне казалось, что эта дорога никогда не закончится... В пропасть, в бездну... Я падал. А ты без сознания лежала на заднем сидении.

– Зачем ты привез меня сюда?

– В то утро, когда я это сделал, мы должны были встретиться в мастерской, чтобы закончить портрет. – обернулся он к ней. – Это ведь была твоя просьба – перенести работу с вечера на утро, чтобы ты смогла посвятить день свадебным приготовлениям? Безумие... Даже после всего, что было между нами, ты еще думала о свадьбе.

– Ничего не было... – проглотила ком Анна.

– Все случилось быстро: я ничего не планировал, это получилось само собой... Я просто подсыпал снотворное в обычную воду и подобрал тебя на своей машине по дороге в мастерскую. Вот и все.

Анна схватилась за шею, которую сжимало железное кольцо.

– Должно быть, я не рассчитал дозу, и ты спала дольше, чем я предполагал, но все обошлось. – словно нарочно выводил он ее из себя и подходил все ближе. – Твой чехол с эскизами я выбросил из машины по дороге, чтобы отвести подозрения от твоей мастерской и наших встреч там, и повез тебя на взлетную посадку к своему самолету.

– Что?! Выбросил чехол?! Ты с ума сошел! Там был твой портрет, на который я потратила столько сил и времени! Он был почти закончен!

– Не переживай, он у меня. И «Пурпурная ностальгия» тоже. У тебя настоящий талант, Анна. Не знаю, говорил ли я тебе это когда-нибудь или нет...

– То, что ты сделал, карается законом. – прорычала Анна, ненавидя его каждой клеткой своего тела.

– Уж это я прекрасно знаю, можешь поверить. – сухо отозвался Георгий, подкрадываясь еще ближе. – Я и сам юрист. Похищение человека, незаконное лишение свободы – 12 раздел УК «О преступлениях против личности», 3 глава «Преступления против личной свободы»...

– Бойся не полицейских! – грубо перебила Анна и попятилась назад. – Бойся моего отца, он будет тебе и законом, и правосудием!

Мужчина лишь усмехнулся и продолжил:

– Мой покойный отец тоже был завзятым знатоком права – блюстителем закона, только вот сам никогда не гнушался его преступать. И закон, и мораль... Однако, стоит отдать ему должное, благодаря знаниям, которые он мне передал, я смог основать и вырастить с нуля крупнейшую международную юридическую компанию. Конечно, она не сравнится с MaWiDup, но я приложил не...

– Постой... – замерла Анна. – Ты – Георгий Кавалли? Тебя зовут Георгий Кавалли?! Это ты настаивал на встрече с моим отцом? Это о тебе он рассказывал, с тобой хотел сотрудничать! Поверить не могу, ты встречался с моим отцом, пока притворялся каким-то Уго и позировал мне!

– Ничего не мог с собой поделать: очень хотелось познакомиться с твоей семьей. – развел он руками и настойчиво припер ее к стене.

– А Лио? Он тоже знал, кто ты на самом деле?

– Разумеется, нет. В отличие от твоего полоумного жениха, я избегаю репортеров, и в лицо меня никто не знает. Почти. Хотя, я хорошо известен в определенных кругах.

В эту минуту Анне стало по-настоящему жутко: этот человек был опасен и одержим. Страх острым холодным лезвием подкрался к самому горлу.

Лезвия! Горло!

– Да кто ты такой, чёрт возьми?! – воскликнула Анна, собирая волю в кулак, – Чего тебе от меня нужно?!

– Я тот, ради кого ты хотела отменить свадьбу, но не решилась! Тебе не хватило смелости пойти против родителей и общественного мнения! – прокричал Георгий так, что у Анны похолодели пальцы. – С самой первой нашей встречи ты жаловалась мне, что ты заточена в четырех стенах обязательств. Перед семьей! Перед хлюздапёром Риччи! И все эти бесконечные скучнейшие приемы, которые устраивали твои родители, их нападки из-за твоего выбора. Ты же не могла спокойно работать, ты мучилась и терпела натиск! Разве не ты мне дала молчаливое согласие на все это?! Разве ты не умоляла меня спасти тебя?!

Анна побагровела и сжала губы. Тяжелые капли покатались по щекам.

– Ты думаешь, что попала в тюремную камеру?! Твои обязательства – вот что настоящая тюрьма, а здесь ты свободна! Я покажу тебе эту свободу, хочешь ты этого или нет!

Девушка больше не могла сдерживаться, и из ее груди вырвался горький плач. От слабости и боли подкашивались ноги.

– Ты можешь сопротивиться, юлить и даже пытаться заколоть меня маникюрными ножницами, которые ты прячешь за спиной, но ты будешь благодарна мне рано или поздно!

Лезвия выпали из дрожащих пальцев и лязгнули о пол у ног Анны. Она упала на колени и закрыла лицо руками.

– Анна, посмотри вокруг! Здесь настоящий рай! – опустился он на корточки и попытался прикоснуться к ее запястьям.

– Отойди от меня! Не прикасайся! – проревела художница и замахала руками. – Я тебя ненавижу!

– Я отстроил свое поместье сам, вдали от всех, и хочу, чтобы ты тоже полюбила его. И ты полюбишь. Все твои инструменты и макеты из мастерской уже перевезены сюда – ты можешь здесь полностью посвятить себя работе. А я и мой батлер Паоло будем тебе помогать во всем. Я готов снова для тебя позировать, я сделаю для тебя все...

– Замолчи. – тяжело вздохнула Анна, размазывая по щекам соленую сырость. – Я не хочу тебя видеть... Уходи.

Ее истерика постепенно угасала. Она пригладила золотые локоны, которые прилипли к щекам, и обхватив колени, уткнулась в них лицом. Георгий сжал челюсти, и судорожно достал из пачки сигарету. Едкий черный дым наполним легкие.

Тишина...

– Ты должен отвезти меня домой, Георгий. То, что ты мне рассказал – ненормально, понимаешь?

– Нормально? Да кому нужно это «нормально»? – выдохнул он серое облако за плечо. – Уж точно не нам с тобой, Анна. Я покажу тебе жизнь без предрассудков, научу жить по велению сердца, а не в угоду другим. Я уверен, что очень скоро ты будешь мне благодарна. Возможно даже... счастлива.

Она подняла глаза на небо, и в ее памяти возникли образы Агнессы, Бернардо и такого родного Лео. Неужели она больше никогда их не увидит...

– Я, пожалуй, пойду. – сделал последний затяг Георгий и выбросил окурок в море. – Возле твоей кровати на тумбочке есть звонок, можешь в любой момент позвать Паоло – это, если что-то понадобится. Завтра утром в этой комнате будет вся твоя мастерская и прочие инструменты. Можешь приступать к реализации своих творческих идей: твори, наслаждайся, пользуйся. Здесь все – твое.

– Постой! – испуганно окликнула его Анна, встала на ноги и бросилась за ним. – Ты оставишь меня здесь одну?

– Я могу прийти к тебе ночью, если хочешь?

– И не надейся! Я хочу домой. Я не хочу сидеть взаперти! Чем я буду заниматься? Ни книг, ни гаджетов, ни телевизора.

– Гаджеты и телевидение притупляют разум. Если ты хочешь знать новости, я и Паоло будем рядом – будешь знать всё из первых уст. Да и книг целая библиотека на втором этаже, ты не видела? Рядом с диванным столиком. – указал пальцем вверх Георгий и снова двинулся к двери.

– Георгий! А зеркало? Мне нужно зеркало.

– Зеркало... Я решу эту проблему. Завтра, а сейчас мне пора. Я приду завтра.

– Завтра?!

– Я же сказал, с тобой останется Паоло. Если будут вопросы или пожелания, обращайся к нему. И вот еще: он может показаться тебе добродушным стариком, но он имеет четкие

установки держать здесь все под контролем. Надумаешь сбежать в мое отсутствие... В общем поймешь, что это было плохой идеей. Система безопасности работает безупречно, при любом сигнале – я тут же приеду, и мне придется принять меры, чтобы подобного не повторилось. А мне бы очень не хотелось давить на тебя, ущемлять в чем-то и уж тем более причинять боль. Это понятно?

Георгий и не надеялся на ответ, но этот взгляд... Она была напугана. И ножницы на террасе, возможно, их следовало бы забрать... Дверь за ним затворилась, и в комнате стало тихо. Лишь морской ветерок, что гулял по комнате, заходя в большие ставни террасы, разносил по воздуху ароматы муската. Он тянулся за Георгием до самой двери. Сковывающий... Сбивающий с ног.

Глава 10

Обеденный зал.

Ему Георгий отвел самую просторную и светлую часть особняка. Стены и пол в нем сливаются в одно единое очертание, от безмерного количества света, заливающегося из гигантских окон, темные вкрапления на молочном мраморе были едва различимы. Белое царство безмятежности.

За громоздким столом на 20 персон в самом дальнем углу перед пустыми приборами одиноко сидел худощавый седой мужчина преклонных лет. Он выглядел смертельно усталым – его голова держалась на хилых сморщенных ладонях, а маленькие глаза с лисьим разрезом слезились. Проклятая бессонница. Всегда педантично отглаженный воротничок на его шее в этот день был примят.

– Паоло! – раздался низкий голос, который приближался из холла сверху по лестнице со второго этажа.

Старик вздрогнул и вытер нос.

– Вот ты где. – показался во входной арке Георгий и косо посмотрел на батлера, поправляющего манжеты на костюме. – Тебе пора объясниться: ты уже второй день прячешься от меня по всем углам поместья. Что ты здесь забыл?

– Синьор Кавалли. – откашлялся он и привстал на месте, чтобы поприветствовать хозяина. – Меня позвал сюда главный повар: он интересовался, какие пожелания будут у вашей гостьи на счет меню. Будьте так добры, объясните ему сами, почему ей не нужно накрывать стол в обеденном зале или в саду.

– Паоло, мой дорогой Паоло... – подошел к нему сзади Георгий и похлопал по плечу. – Подумай сам, как не волновать прислугу по поводу Анны. В конце концов, это – твоя работа.

Видя нездоровый вид старика, он озадаченно сел рядом с ним за столом и скрестил руки в замок:

– Я вижу тебя что-то тревожит. Расскажи мне?

Батлер вновь рухнул на стул и схватился за голову.

– Я все жду, синьор... Все жду, когда вы одумаетесь... Почему же вы до сих пор не одумались?

Слова невпопад срывались с его губ и бились о глухой деревянный спил. Он был жалок: язык отказывался плести паутину из связных предложений. Весь в саже и угольной пыли, он с киркой в немогущих руках пытался пробить многокилометровые горные недра безумия своего хозяина; он знал, он был уверен – в них сокрыты прекрасные алмазы, чистые и драгоценные.

– Как же вы можете оставаться таким спокойным, таким равнодушным?! – прикрикнул батлер, не выдержав молчания и безучастия к своим обращениям.

Георгий фыркнул, отодвинулся со стулом назад и прогулочным шагом направился к другому концу обеденного зала. Попытки старика достучаться до него были тщетными. Он вновь закрыл лицо ладонями.

Его хозяин между тем молчаливо брел к своему самому любимому глиняно-медному фортепиано, стоящему рядом с высоким и грубым винным шкафом. Редкостная вещица. Раритет. Достался ему на черном аукционе за баснословные деньги – местами поцарапан, но при том отполирован им лично до дыр.

Сквозь пальцы Паоло с ужасом наблюдал, как его синьор погладил инструмент, словно пушистое домашнее животное, уселся на стул и принял подготовительную позицию перед игрой: локти Георгия расслаблено опустились, позвоночник и макушка головы вытянулись к потолку, грудная клетка раздулась и замерла. Ресницы коснулись лиловой кожи под глазами.

Он трепетно прощупал белые клавиши, точно боялся обжечься, и разыгрался легкой пяти нотной мелодией. Голова покачивалась в унисон с переливами и только изредка поглядывала вниз на нотную тетрадь. Звуковые волны подхватывали на лету все тяготящие суждения и уносили их назад в плен безмолвия.

Лишь одного воспоминания о ней достаточно, чтобы обезуметь. Лишь один ее силуэт на задворках памяти – и срочно нужна сигарета или дефибриллятор. Опять!

Георгий грянул всеми перстами слева и справа ударом мастера. Стаккато! Пальцы в бешеном ритме двинулись с разных краев клавишного ряда навстречу друг другу, изливаясь отголосками грома и нежных свирелей. Невыносимо.

Батлер поднял голову и застыл. Он был поражен.

– Шопен – этюд опус 25 номер 11. – произнес он нечаянно вслух и, не веря ушам, побрел на другой конец зала к источнику звуков. – Идеально.

Георгий играл безошибочно и четко. На эмоциональном пике композиции он с акцентом ударил по клавишам и задержал руки в воздухе.

– Тебе не о чем беспокоиться. – резко отрезал он оторопевшему Паоло, не отрывая взгляда от черно-белого ряда. – Фух...

Георгий выдохнул, и его грудная клетка вновь сдулась. Плечи обмякли.

Облегчение. Он вновь положил руки на корпус своего бежевого друга и продолжил играть в импровизированной форме легкую кантилену.

– Что вы намерены делать, синьор? Я ломаю голову и не могу понять ваших мотивов. Что же вы сотворили... Семья этой девушки убивается от горя; телевидение, пресса – ее лицо повсюду.

– Паоло. – прищмокнул губами Георгий, наслаждаясь гаммами. – Анна просто пока побудет нашей гостьей. Уверен, ей очень понравится в моем поместье.

– Боюсь, вы окончательно потеряли всякое чувство меры. Я долго размышлял и пришел к выводу, что моя совесть не позволит находиться с вами в одной упряжке. При всем уважении к Вам, синьор Кавалли, заявляю: я вам в этом деле не помощник!

– Еще какой помощник! – прорычал Георгий, ударив кулаками по беззащитным струнам. – Ты мне будешь великолепным помощником, и, я смею надеяться, преданным другом! У тебя, как, впрочем, и у Анны теперь есть только одна жизнь – жизнь по моим правилам. Никакой другой жизни у тебя не будет, ты меня понял, Паоло?!

В коридоре послышались приближающие шаги.

Гнев мужчины умирился: он встал из-за инструмента, поправил свой пиджак и прошлепал, поглядывая по сторонам:

– Приведи себя в порядок! Завари себе успокоительной травы или запишись на дельфинотерапию; делай что хочешь, но не угнетай меня больше своими жалобами и нытьем!

В холле послышались женские голоса и бряканье швабр.

– Это бремя меня давит, синьор! – сурово прошептал в ответ батлер. – Лучше умереть, лишь бы не быть свидетелем этого позора! Как же вы могли? Я надеялся, что горький пример вашего покойного отца хоть чему-то вас научит.

Зрачки Георгия расширились от ярости.

– Никому! Никому в этом доме я не позволю упоминать об этом человеке! Тем более, называть его моим отцом! Раз ты не боишься смерти, хорошо подумай, а так ли бесстрашны твоя любимая дочь Ребекка и пара ее чудесных близнецов?

На лице старика отпечаталась гримаса ужаса. Потеряв дар речи, он растеряно отвел взгляд в сторону.

– Не бойся. Я знаю тебя, и знаю, что ты все сделаешь правильно. – ослабил напряжение его хозяин. – Пойми, это не блажь и не каприз. Анна мне дорога, и я не причиню ей зла. Моя и твоя задача – оберегать ее здесь от других и от себя.

Паоло нахмурил морщинистый лоб.

– Вы сказали, что эта девушка вам дорога? Поэтому вы ее похитили и заточили в своем поместье, а меня назначили ее дозорным?

– Именно так. Любовь толкает людей на неоправданные поступки.

– Любовь? – скривился батлер от недоумения. – Святые небеса, любовь! Какая неслыханная дерзость! Как смее вы, синьор, романтизировать такую трагедию! Это не театр, а жизнь – человеческая жизнь! Вы совершили страшный поступок! Аморальный и бесчеловечный поступок! Варварский!

Ответа не последовало. Георгий притупленно смотрел сквозь него, но Паоло не унимался.

– А как же синьорина Грассо? Что будет с ней, вы об этом подумали?

Георгий хрустнул затекшей шеей и озадаченно посмотрел на часы.

– Я полагаю, что мы друг друга поняли. – хлопнул он ладонью по спине старика и поспешно двинулся назад по направлению к вестибюлю. – Я уезжаю к Ванессе и вернусь только завтра. Позаботься о нашей гостье и не забудь о договоре.

Ступор. Батлер не мог опомниться. До ушей донеслись рев двигателя, интенсивного трения шин о брусчатку и удаление автомобиля от двора все дальше и дальше. Стало тихо.

Георгий покинул поместье.

Нужно было собираться с силами, куда-то идти, давать распоряжения, объяснять и объясняться, быть частью сумасбродства и тирании. Соучастником! Это выше всяких возможностей, прямая дорога к бесповоротной аменции. Тошно, страшно...

Старик пошатнулся на месте, жгучая боль поразила сердце и уползла в левую лопатку. Он оперся двумя руками о еще горячий инструмент и беззвучно застонал. Его настиг рвотный позыв.

Пузырек с лекарством, как всегда, лежал во внутреннем пиджаке кармана.

Глава 11

Анна выбежала на террасу и увидела Георгия во дворе: он подходил к одному из припаркованных во дворе авто и сразу заметил ее.

Взгляды пересеклись в сотнях ярдов друг от друга. Он стоял снизу, а она беспомощно прижалась к ограде над желтым берегом, вцепившись в нее мертвой хваткой. Жалкое зрелище. Мужчина поднял голову, засунув руки в карманы, и смотрел – смотрел через темные очки. Смотрел в глаза, полные слёз, которые умоляли пощадить, и все голоса мира в этот момент кричали ему остановиться.

– Не уезжай! – крикнула Анна. – Слышишь, не уезжай!

«Ай» – донеслось последнее эхо до Георгия.

– Вернись, и мы обо всем поговорим!

Безнадежно.

Георгий снял очки и отрицательно мотнул головой. На джинсах в районе паха проступил холм – пустая пачка сигарет в кармане была сдавлена в его кулаке.

Как хорошо, что в машине припасена другая.

Он не мог оторваться от ее лица: невидимые нити все туже привязывали его к ней, не давали продолжить маршрут, вынуждали его пересмотреть. Засосав в зубы нижнюю губу, он облокотился на кузов и ненавидел себя за эту апатию. Что будет дальше?

Георгий вновь спрятал глаза за очками и сделал над собой усилие: его плечи и голова скрылись в салоне, откидная дверка захлопнулась. Она должна была понять, что это не тюрьма, и прекратить играть в заключенную.

Раздался оглушительный свист покрывшек, клубы пыли взмыли в воздух... Молниеносный спорткар скрылся за петляющим утесом, чтобы поместье Кавалли вновь сходило с ума от тишины.

Что будет дальше?

Анна боролась с происходящим, боролась с привычными ощущениями и устоявшимися истинами – он пугает, он очаровывает, он невозможен! Маски срывались, как одежды одна за другой. Что будет дальше...

Тонкие волоски на женских предплечьях содрогнулись, и по телу пошла волна мурашек. Он уехал. Корчась от стенаний и жалости к себе, Анна поползла на четвереньках к маникюрным ножницам, валяющимся на том же месте, где она их обронила и, только взяв в руки, отшвырнула в сторону. Лезвия лязгнули о каменную плиту и упали за уступ вниз. На пальцах остался легкий ожог.

Проклятье!

Анна уже не помнила себя. В полубреду она поплелась с террасы обратно в спальню, придерживаясь за попадающуюся на пути мебель. Ловила воздух. Кровать, тяжелые шторы, стол, вода в кувшине. Жара была уже невыносимой... Девушка подняла сосуд и утолила жажду прямо из него. Струящаяся жидкость дорожками потекла по шее к животу.

Стало легче. Стало все равно.

Босые ноги зашаркали по полу к лестнице и затем вверх по ней. Второй этаж представлял собой небольшую библиотеку с книжным стеллажом и уютным местом для чтения, и не было ничего примечательного, пока взгляд Анны не привлекла репродукция, висящая на стене позади стеллажа. Прищурившись, она подошла ближе и убедилась в своих догадках – перед ней было клише работы Рула Мармонтеля, одного из почитаемых ей абстракционистов. «Агония вождения», 1916. Художница подкралась еще ближе и была поражена техничностью подражателя.

Багряные краски не имели ни единой трещины, лишь за исключением микроскопических – естественных от старости полотна, а не дешевой краски. Гвозди и крепления рамы, а также патина дерева свидетельствовали о том, что картине было порядка несколько десятков лет.

Анна нахмурилась и потерла виски, но шум в голове никуда не делся. Она не могла так обмануться! Девушка с опаской прильнула к холсту и сделала вдох. Подозрения – всего на всего подозрения, но холст не имел запаха!

Девушка сглотнула слюну и попятилась назад. Перед ней был подлинник. Тот самый подлинник, что был похищен прямо из квартиры Мармонтеля в Монпелье за несколько дней до передачи в музей.

Анна в ужасе прикрыла руками рот и боялась сдвинуться с места. Она запрещала своим глазам смотреть на «Агонию», но они наглухо приковались к ней многотонными цепями: глупина красок, сила мазков, это неподражаемое смешение бардо, рубина, оливы и белил в едином круговороте сумасшедшей спирали... Нужно было срочно сообщить всем, что она здесь, что она украдена Георгием! Если бы все было так просто... Какое дело до картины, когда она сама в чертовом поместье, словно элемент декора... Околдованный особняк засасывал в свое гниющее болото.

Библиотека.

Анна оглядела весь книжный шкаф, старинные пыльные тома на полках. Романы, сборники, классика, триллеры и детективы... Скука.

Но не на верхней полке.

Девушка поднялась на носки и потянулась к ней.

– Русский... – поджала губы художница, пробежав глазами по названиям на корешках переплетов.

Страсть к языкам в начальной школе помогла ей освежить в памяти семантику и этимологию, и даже немного диалект чужого языка, и в ней проснулся настоящий азарт. Внимание привлекла толстая и вздутая тетрадь. Потребовался ни один прыжок, чтобы добраться до нее; раскрывшись в полете, она упала на пол. Девушка собрала развернутые страницы ветхой тетради и с интересом принялась изучать содержимое. Рукописный текст, похожий на стихи; красивый почерк, по всем признакам женский, а на внутренней чистой стороне обложки она разобрала надпись:

Дорогому Марко от любящей Александры

Любящая Александра.

Художница перелистала каждую страницу в поисках чего-то особенного, но ничего не могла найти. Разобрать хоть слово на чужом языке было не просто, но она пыталась, и больше всего ее интересовали слова, которые были выделены простым карандашом и помечены подписью другого человека. Очевидно было одно: книга леди Александры была очень кому-то дорога и штудировалась так часто, что страницы изрядно потрепались.

Девушка встала с колен и прижала к себе блокнот. За закрытой дверью было по-прежнему тихо, а она терпеть не могла тишину. Единственное спасение – терраса, где пустоту и безмолвие нарушала приятная колыбель моря и шелеста свежих деревьев в саду поместья.

Анна спустилась на террасу и, аккуратно сложив пустую посуду на столе, удобно расположилась на диване, прильнув головой на мягкую подушку. Она раскрыла перед собой тетрадь: первая пометка – четыре строки были обведены и обозначены галочкой. Художница прищурилась и пыталась разобрать буквы и слоги.

*В эту ночь в него снова вселились бесы.
Моя ночная рубашка обагрилась кровью.
Дитя кричит, бьются стекла, звенит железо.*

*Я не спасу тебя, мой удел жить такой любовью.*⁸

«Демоны», «Ночь», «Кровь», «Дитя»...

– Что за чертовщина...

Слова, которые могла разобрать Анна, вселяли ужас.

«Стекло», «Железо».

Тонкие смуглые руки затряслись, как у паралитика, а ветхие страницы захрустели и ска-
тались на ветру колодой карт. Анна наспех перелистала всю тетрадь, оценив, сколько пометок
ей предстоит расшифровать, и обнаружила, что каждый новый текст был еще более небрежен,
более марок и неаккуратен.

Осталась еще одна строчка. Девушка вернулась к отрывку и перевела дух.

«Нет Спасения».

По коже пробежал холодок. Анна вздрогнула и захлопнула тетрадь.

---

⁸ Русск. яз.

Глава 12

За окном автомобиля маячили бетонные высотки и бессмысленные баннеры – от них рябило в глазах. Люди, словно муравьи ползали по пешеходным переходам, раздражали и тормозили стремительное возвращение в заповедное пристанище, убежище. Было душно.

Скуловые дуги на сером от усталости лице Ванессы дрожали в попытках удержать уже необратимое ремесло слезных желез. Любое неосторожное движение, нерадивый звук, встречный порыв ветра могли раздавить, превратить живую оболочку в горстку пепла. Постоянное сопротивление потеряло всякий смысл.

Внезапная вибрация острыми пиками вторглась в воздушную территорию воздуха: мобильный задребезжал на соседнем сидении, и на потрескавшемся экране появилась его фотография.

Георгий.

Он смотрел на нее – образ, способный остановить истощенный сердечный ритм. Самый обаятельный мерзавец на планете. И как этот острый ряд зуб способен изогнуться в такой обезоруживающей улыбке?

Звуки вибрации не унимались.

Держаться! Не сдаваться. Не сдаваться... Ванесса оскалилась и вцепилась острыми ногтями в руль автомобиля. Стрелка спидометра скользнула на 140.

Она умоляла его остановиться, но он вновь и вновь пытал своими звонками. Рука не поднималась затормозить этот дьявольский хоровод. Она уже плотно подсела на него: Георгий заменил ей самые сильные наркотики.

Звук внезапно оборвался.

Тишина заласкала слух, и воцарился мир безмолвия. Спокойствия. Ванесса была согласна на все: необитаемый остров, дикие джунгли, вершина старой горы, припорошенная снежком, да такая, чтобы дотянуться рукой до первого облака. Там хорошо... Мир безмолвия.

Мобильный дрогнул, запищав от входящего сообщения, и Ванесса нехотя пробежалась по нему взглядом.

*Что происходит? Я приехал домой – весь пол в стекле от побитых
бутылок и липкой воде. Ты где?*

– Che cazzo vuoi?⁹ – сжала губы она.

Приглушенные вибрации телефона неустанно следовали одна за другой. Одна за другой.

В чем кризис?

– В чем кризис... В чем кризис!

Ванесса усмехнулась, и ее лицо искривилось странной улыбкой.

Это так забавно, не правда ли? Так просто... Так «по-кавалльски»!

Девушку застиг залиvistый истерический смех.

– Ты – мой главный кризис, кризис всей жизни!

Нога плавно топнула в тормоз и серый бампер остановился у стоп-линии – красный свет не давал продолжить гонку. Она прикусила кулак и не могла стереть со своего лица горестной усмешки, опухшие от слёз глаза еще раз взглянули на экран телефона, затем на светофор. Зеленый! Пара задних колес со свистом прочертили за собой две полосы.

Гонка продолжилась.

Очередной входящий звонок уже не так обескураживал: Ванесса приняла вызов и включила громкую связь.

---

⁹ (Ит.) Какого чёрта тебе надо?

– Несси! Чёрт возьми, я звоню уже седьмой раз! Ты где?! – завопил до боли знакомый тембр. Он медленно и мучительно превращал живую оболочку в пепел.

– В чем кризис, Георгий? – сквозь слёзы улыбнулась Ванесса.

– Не понял.

– В чем кризис? Что заставило тебя вдруг вспомнить обо мне?

– Ванесса, я слышу, ты снова не в себе. Где тебя забрать? Куда подъехать?

Сброс! Отклонить вызов! Заблокировать абонента!

Вот так.

Девушка с облегчением откинулась головой на сидение и приоткрыла окно. Тишина... Она сбавила скорость, чтобы не пропустить нужный поворот, что так круто уходил в лесной массив. Пропустить этот поворот означало бы прибавить к своему пути еще 40 минут.

Часы на мониторе пробили полдень, и Ванесса нахмурилась: с минуты на минуту на пыточный механизм должен был прийти еще один звонок – на этот раз важный. Черта города уже была близко. Она притормозила и съехала на обочину за указатель: «Firenze 2,3», чтобы не выехать за соты телефонной башни.

Звонок поступил, как по расписанию.

Работа... Она уже привыкла отдаваться долгу сразу после того, как кровосос Георгий насытится из ее шеи, поэтому ее основной проблемой, как и у всех журналистов, заполонивших Флоренцию стаей прожорливой саранчи, была она – неуловимая наследница MaWiDun.

Ванесса сгруппировалась и взяла себя в руки: слегка похлопала по щекам, просушила ресницы быстрым морганием и поднесла мобильный к уху:

– Синьор Конте, добрый день.

– Здравствуй, Ванесса.

– О Боже, надеюсь, мне показалось...

– Не показалось, тебя беспокоит Сандро Моритт. Снова.

Ну конечно!

Эту интонацию не спутаешь ни с чем – еще один ночной кошмар. Навязчивый рыжий бесенок с очевидными маниакальными наклонностями, преследующий ее уже несколько недель. Ванесса скривилась в недоумении, и от неподдельного возмущения у нее задергались глаза.

– Откуда у вас номер инспектора Конте? Вы меня преследуете?!

Томный массивный тембр, точно «его величество туба», глухо рассмеялся в ответ:

– Что за мрак, Ванесса... Инспектор Конте дал тебе не свой личный мобильный, а номер нашего участка.

– Нашего? Вы – полицейский?

– Если бы ты хоть раз согласилась встретиться со мной, то узнала бы об этом раньше.

Отлично... Свихнувшийся легавый.

– Что вам от меня нужно? – вздохнула Ванесса, не понимая, чем она в этот день так разгневала небеса. – Я же уже не один раз сказала, что не хочу с вами никуда идти: ни в кино, ни в театр, ни на выставку домашних животных.

– Забудь о том, что я приглашал тебя на свидание. – бестактно оборвал он ее. – В мои цели больше не входит бегать за тобой, унижаться и припираться.

– И ты позвонил, чтобы мне об этом сообщить? – съязвила Ванесса в ответ. – Прямое самолюбие и подмоченная репутация «альфа-ромео» не дают заснуть?

– Мм... – прогудел он. – Так вот что скрывается под твоим вызывающим корсетом и черным пиджаком... Обычная заурядная стерва! Как я и предполагал.

Она в бешенстве окинула взглядом свою одежду.

– Coglione¹⁰! Как там тебя? Моритт! Хочешь проблем, ты их получишь!

– Я считаю везунчиками людей, не обремененных манерами. – раздался едкий смешок в динамике. – Я вообще-то позвонил по делу: мне нужно узнать, с какой целью ты интересовалась расследованием исчезновения Анны Марино?

Острые ногти, покрытые бежевым лаком, циклично забарабанили по рулю. Этот хам не знает на кого напал. Ванесса забыла о своей неприязни к Георгию и решила во что бы то ни стало натравить его на Моритта, ведь сейчас его несдержанность и сноровка, как никогда, кстати!

– Ты ведь работаешь в СМИ? Желтая газетёнка «Эстамп», верно?

Голова Ванессы провалилась в плечи. Навязчивый рыжий бесенок!

– Ты пугаешь меня! Следишь за мной?!

Она набрала в рот побольше воздуха, чтобы наконец высказать все, что накопилось на протяжении долгих недель её преследования, однако тот вновь совершенно бесцеремонно перебил ее, стоило лишь разомкнуть губы.

– Многие взялись за «Анну»... Охотники за повышением и гонорами Марино. Однако напрасно ты надеешься, что кто-то из них будет разглашать подробности следствия.

Так ее не выводил даже сам Георгий, и самое время ему позвонить.

– Зато я могу.

– Что ты сказал? – одернулась Ванесса, уже почти сбросив вызов.

– Я могу помочь тебе.

– Шutiшь? Я уже ненавижу тебя.

– Какая разница? Мы же с тобой такие же охотники, как и все они. Тебе нужна моя помощь, а мне нужна твоя.

– Охота у тебя не задалась? – натянула она на лицо недобрую улыбку. – Иначе с чего бы тебе заключать сделки с заурядной стервой?

– Поверь, моя охота в самом разгаре, и ты не будешь разочарована. Так что, можешь задать мне свои вопросы, которые хотела задать Конте, и сослаться на мою фамилию.

– Твоя фамилия никому ни о чем не скажет. – холодно отрезала Ванесса, доставая свой рабочий блокнот из сумки, полной грудой дамского хлама.

– Пока что. Этот мир так изменчив... Никогда не знаешь, что произойдет завтра.

Мечтай.

– Замечательно... Итак, мне нужны точные сведения, или хотя бы одна достоверная деталь, за которую можно ухватиться и написать достойный репортаж. Разумеется, об Анне Марино. Я готова приступить прямо сейчас, поэтому начнем с самого начала. Расскажи мне об...

– Стоп, остановись... – глухо рассмеялся в ответ Моритт. – Ты точно журналист? Хочешь, чтобы я разглашал тайны следствия по телефону?

– Эм... Нет. Тогда, может быть, встретимся сегодня? Через пару часов, например?

– Не сегодня. Завтра в 6:30 утра в Rosapo на виа Кайцайуоли. Придешь?

– Утра?!

– Это – проблема? К 8 мне нужно быть в участке, а работаю я до глубокой ночи.

Ну что ж, о здоровом сне можно забыть на время.

– Все нормально. Литр робуста и мы выжмем все из завтрашнего утра.

– Похоже, я в тебе не ошибся. Остальное обсудим завтра.

Это что, короткие гудки?! Вот гад, даже не попрощался! Вот уж кто действительно не обременен манерами...

Ванесса раздула ноздри и бросила мобильный обратно на соседнее сиденье.

---

¹⁰ (Ит.) Кретин.

– Просто! Чудесный! Денёк! – прорычала она и откусила с маркера колпачок.

Все хамы мира слетаются на нее, как мухи на клубничное варенье, как будто в молекулы ее ДНК закрался магнит для подобных идиотов.

«6:30 в Rosano.» – заскрежетал стержень по станице блокнота.

Странное чувство. Куда делся тот недотепа, смешно поправляющий рыжую небрежную стрижку и не высовывающий рук из кармана во время разговора? Где его жалкие попытки шутить, не наигранная галантность и обходительность? После стольких отказов и изгнаний он дежурил у ее любимого парка и возобновлял попытки сблизиться. Снова и снова. А теперь... Как все-таки обманчиво первое впечатление... Так или иначе этот рыжий бесенок своего добился и получил согласие на встречу, и он прав! Какая, к чёрту, разница, ведь надежный источник найден, и далее ждет вторая ступень: подготовить уникальный материал в погоне за повышением.

Да... Она еще одна охотница...

Ванесса поправила угольные локоны и повернула ключ зажигания. Двигатель автомобиля вновь заревел.

Гонка продолжилась.

Глава 13

– Синьор Кавалли, неужели вы сможете спокойно смотреть на страдания этой девушки?

– Смогу. И ты сможешь.

Паоло в ужасе вбежал в комнату Анны и бросился к ней.

– Синьорина Марино, что же вы наделали?! – поднял обмякшую шею старик и бросил взгляд на ее окровавленную одежду.

Мобильный Георгия был вне зоны доступа, и батлер в панике дождался сигнала записи голосового сообщения:

– Синьор Кавалли! Беда! Я примчался на звонок из комнаты Анны, а она лежит здесь на полу без чувств! Похоже разбила вазу: в руке осколок – все платье и лицо в крови! Я жду вашего ответа 5 минут и вызываю помощь! Какой кошмар... – засунул он мобильный в карман и положил хрупкую голову обратно на пол.

Как ошпаренный кипятком, он бросился за аптечкой, хрустя осколками под подошвой туфель, миновав коридор и лестницу.

Анна открыла глаза и сделала вдох полной грудью. В ее поле зрения появилась заветная распахнутая настежь дверь. Дверь наружу.

Путь был свободен.

Она подскочила на босые ноги и сжала кровоточащую ладонь в кулак: рукой пришлось пожертвовать, и рана сильно пекла. Девушка вытащила подготовленные туфли из-под кровати, одни из тех, что припас Георгий для нее в шкафу, и аккуратно обошла острые обломки стекол на пальцах.

В коридоре было пусто: старик ушел, но мог вернуться в любой момент. В пролете из множества комнат, где ветви деревьев ластились прямо по изгороди, возвышались колонны и факелы. Сзади был тупик, спереди – лестница, выход один: бежать через главный холл вниз.

Босые ноги беззвучно замаячили вдоль перил и крашеного бетона, оставляя за собой бурые капельки крови, пока не уперлись в ступени: широкая изогнутая лестница на первый этаж, просторный вестибюль и двери наружу! Выход в сад. Если не сейчас – то никогда, на побег было несколько минут. Озираясь по сторонам, Анна слетела с лестницы и устремилась к выходу, уже не чувствуя резкой боли в левой руке. Сердце выбивало ребра ритмичными ударами, ведь свобода была прямо за этой дверью. Здоровой рукой она выкрутила дверную ручку.

– Синьорина! – окликнул голос сзади. – Стойте!

Дверь оказалась заперта.

Тяжело дыша, Анна обернулась и увидела старика, сжимающего бокс с лекарствами.

– Не подходите! – сняла она туфлю и пригрозила острой шпилькой. Другую – отбросила в сторону и приготовилась обороняться.

– Вы ранены, синьорина, вам нужна помощь.

– Телефон!

– Простите?

– Мне нужен телефон! Дайте мне телефон, иначе я за себя не отвечаю!

Какой позор... Батлер сжался и зашевелил губами:

– Синьорина... Послушайте меня, я не хочу вам причинять вреда, я лишь...

– Вы – лишь сообщник Георгия! Вы лишь хотите упрятать меня обратно, да? Сколько он вам заплатил?!

– Прошу вас...

– Меня зовут Анна Марино, моя семья может заплатить вам в десятки, в сотни раз больше, чем он! Если вы мне сейчас поможете, то даю слово – вы не пойдете под суд с Георгием! Немедленно дайте мне позвонить!

Паоло сделал несколько шагов навстречу ей, но замер, увидев хлесткий замах: его синьорина была не в себе.

– Синьор Кавалли нашел другой способ заставить меня помогать ему. – дрожащим голосом сказал старик. – Если я позволю вам сбежать, моя дочь и внуки пострадают. Я связан по рукам и ногам.

– Мне жаль вашу семью. – бесстрастно ответила Анна. – Но у меня тоже есть семья, и я не стану приносить себя в жертву ради преступников. Не подходите, я буду защищаться!

Глаза Паоло воспалились и морщинки на лбу слегка дрогнули.

– Я жду телефон! – сурово рявкнула Анна. – Или отоприте двери.

Эквилибристика. Старик почувствовал, что теряет равновесие.

– Вам придет конец... – невнятно промямлила она. – Вас уничтожат...

Она была права.

– Вы правы, синьорина. – глядя куда-то сквозь Анну, пропел Паоло, и волна облегчения прошла от макушки головы до пят. – Я помогу.

– Я вам не верю. – раздула ноздри Анна и подняла «холодное оружие» еще выше.

– Я не смею просить вас о сочувствии к моему горю, но и быть вашим палачом я тоже не могу.

Он аккуратно поставил аптечку на стол и достал из бокового кармана пульт с разноцветными кнопками.

– Я отключу всю систему безопасности. Сейчас... Вы свободны, двери и ворота разблокированы. Можете взять любой из автомобилей хозяина во дворе, у первого справа – полный бак. Синьор Кавалли улетел во Флоренцию и должен вернуться только завтра. Мы находимся на окраине Сардинии, разумнее всего вам будет добраться до паромной станции, она в двадцати минутах езды от поместья, а до ближайшего аэропорта два часа.

Анна застыла и не сводила глаз со старика.

– Я вижу, вы мне не верите. – покачал головой батлер и достал свой бумажник. Он вытащил все бумажные купюры и положил на стол рядом с аптечкой. – Возьмите деньги, они вам понадобятся. Я советую вам тайно добраться до дома и не поднимать шум, чтобы синьор Кавалли не прознал раньше времени о вашем побеге. Он может помешать: вы не представляете, на что он способен. Просто купите билет и не привлекайте к себе внимания окружающих, если вашей жизни ничего не будет угрожать. И еще: ваша рана, ее нужно немедленно перевязать.

Девушка опустила глаза на небольшую лужицу крови на полу.

– Сделайте это сами, если не доверяете мне, только остановите кровь.

Батлер достал из брюк пузырек с пилюлями и проглотил одну из них на ходу. Его телодвижения стали медлительными и рассредоточенными.

– Вы куда?

– Не беспокойтесь, синьорина. – обернулся он. На его лице была печать боли. – Я иду в комнату хозяина, вы не сможете уехать без ключей. Займитесь наконец вашей раной!

Старик шатался и брел куда-то, хватаясь за стены, пока его черный костюм не скрылся в темноте соседнего зала. Анна еще раз покрутила ручку передней двери за ее спиной – она с легкостью отворилась. Он не лгал.

Паоло добыл ключ от автомобиля в одной из комнат Георгия из медной шкатулки и направился обратно в вестибюль, в надежде, что Анна не сбежала в таком виде и прислушалась к голосу здравого смысла. Таблетки быстро всосались в кровь и обезвредили приступ стенокардии: боль отступила, и чувствовалась лишь слабость в коленях.

– Давайте-ка я вам все же помогу. – предложил Паоло, увидев тщетные попытки Анны завязать бинт самостоятельно. Она с опаской протянула руку. – Святые небеса! Да как же вы так поранились?!

Он смочил вату в обеззараживающем растворе и примочил глубокий порез. Анна сморщилась и зашипела.

– Т-щ-щ. Сейчас пройдет. Вот так – и перевяжем! Я принес ключи, водить умеете? Машину?

Анна кивнула.

– Я бы и сам сопровождал вас, синьорина, но мне необходимо оставаться в поместье: синьор Кавалли ничего не должен заподозрить. Выезжайте на грунтовую дорогу в сторону холма и двигайтесь прямо по ней, никуда не сворачивая – паромная станция будет справа.

Теплые руки аккуратно накручивали бинт на ладони, и он мгновенно багровел.

– А как же ваша дочь? – внезапно спросила Анна и увидела, как зрачки в глазах Паоло расширяются, а черты лица напрягаются и застывают.

– Не думайте об этом. Если вы все сделаете так, как я сказал – мы выиграем немного времени, и Ребекка с сыновьями успеют улететь во Францию к родственникам.

– А вы?

Старик проигнорировал вопрос и завязал последний плотный узел на ладони Анны.

– Переоденьте ваше окровавленное платье и отправляйтесь в путь. – приказал он и подвинул деньги и ключи от автомобиля. – Ну же! Не теряйте времени!

Анна сгребла купюры и ключи в неподвижную, толстую от бинтов руку и быстрым шагом последовала к лестнице, чтобы переодеться. Она обернулась и увидела, как батлер стер со лба пот носовым платком и тяжело вздохнул.

Неужели все так просто?

Мысли в голове Анны заволокло пластом тумана и мороси, губы разомкнулись, и с них нечаянно сорвалось тихое:

– Grazie¹¹.

---

¹¹ (Ит.) Спасибо

Часть 2

Глава 1

Главный офис MarinoWideUnion. Флоренция.

Массивный небоскреб с километровой парковкой стремился к небу в самом сердце города. Грубое бетонное ограждение, точки постов охраны, вездесущее око видеокамер и биометрическая система контроля. Непокколебимая безопасность или притязательный дозор? Зная норы отца своей невесты, Лио точно знал ответ.

Он всегда мечтал оказаться по ту сторону бетонного забора, где за тонированными окнами играл самый громкий парад амбиций, мрели дизайнерские деловые костюмчики, стучали каблуки Jimmy Choo и Louis Vuitton. Там кипела жизнь! Именно там концентрировались власть, богатство и лоск.

Там.

Синий Lexus прижался к своему парковочному месту и из него, как ошпаренный, выскочил эффектный молодой блондин с блестящими кудрями. На бегу он заблокировал дверцы нажатием на ключ и, спрессовывая в руках толстую папку с разлетающимися в стороны документами, он ринулся к основному входу в здание.

– Аурелио Риччи! – оттолкнул он в сторону охранника, блокирующего двери без надлежащего осмотра.

Он терпеть не мог опаздывать, тем более в такой важный день! Судьбоносный. В этот день привычное заседание директората для многих должно было стать неожиданностью, ведь прежде, чем открыть его, Бернардо Марино попросит поприветствовать нового члена Совета, то бишь...

– Стойте! – крикнул Аурелио людям в закрывающемся лифте, задышавшись от спешки. – Благодарю!

Блондин поправил золотые кудри, надрывно восстанавливая свое дыхание, и взглянул на часы.

Катастрофа. Уже 5 минут, как начали. Больше никаких вечеринок.

Риччи раскрыл папку и пролистал пальцами первые страницы: положения, инструкции, сметы, учетная запись...

– Так! Где вчерашнее соглашение?! Где, чёрт возьми, вчерашнее соглашение?!

Полные ужаса глаза закатились со вздохом облегчения, и парень вставил на место найденную недостающую страницу. Лифт встряхнул своих пользователей и остановился на заветном 16 этаже.

Зал для заседаний инвесторов находился прямо за кабинетом любимого тестя; Аурелио уже не раз бывал в офисе MaWiDun и знал его, как свою пятерню. Первый раз он переступил этот порог под руку с Анной, когда нес приглашения на их свадьбу лично в руки отцу и, разумеется, основным игрокам корпорации. Хищники с оттянутыми к ушам щеками... В ту же секунду они смекали положение дел и моментально группировались: пожимали руку и искали точки соприкосновения с будущим членом Марино. Приятно и щекотно.

Прозрачные двери зала заседаний были предсказуемо уже заперты, и сквозь них виднелись неподвижные головы – большинство изрядно поседевшие, полулысые или вовсе без растительности, зато облитые далеко не копеечными маслами «со слезами единорога». Коллегия распластавшихся в своих кожаных креслах денежных мешков... Их внимание было приковано к Бернардо Марино, который уже вошел в раж и размашисто жестикулировал, брызгая слюной во все стороны.

Лио сморщил нос и, виновато разведя руками перед секретаршей, дал знак, что готов войти.

– Синьор Марино, пришел Аурелио Риччи. – просунулась в двери зала темноволосая макушка со слегка отросшими каштановыми корнями. – Заходите.

Блондин поправил галстук и, слегка прокашлявшись, быстрым шагом направился на другой конец зала мимо косых надменных взглядов.

– Благодарю вас, синьор.

– Да, ты как раз вовремя! Садись. – до хруста сдвинул его руку в рукопожатии Бернардо и наклонился прямо к уху. – Даже я не позволяю себе таких гнусных опозданий. Будь на твоём месте кто-то другой, я бы лично пинком вышвырнул его за ворота.

Он высвободил красную руку и оскалился в улыбке.

– Присоединяйся, мы только начали. – кивнул Бернардо на пустующее кресло, ближе к себе.

Риччи, готовый провалиться сквозь землю, приземлил свои отпаренные штаны на сиденье и скользнул вспотевшими ладонями по подлокотникам туда-сюда.

– Я искренне надеялся, что трагедия в моей семье не отразится на компании, но, к несчастью, подобные происшествия всегда оставляют свой след. Мне бы хотелось произнести слова благодарности за то, что в это непростое время, каждый из вас вносит свой вклад в восстановление и перевооружение MaWiDun.

Бернардо поднялся из-за стола и зашагал перед сметенными слушателями, чьи каменные лица не отрывались от юнца с отбеленными зубами.

– Я с радостью готов сообщить, что мы сбросили с себя остатки кризиса и вновь забрались в седло! Взгляните в проспект¹² – мы решились на серьезный риск, как того требовали обстоятельства, и вылетели на какое-то время с шахматной доски. Помнится, вы, синьор Арио, отговаривали нас совершать этот «прыжок в пропасть», однако мы прыгнули!

– И, падая, расправили крылья, словно орлы. – подметил Аурелио, привлекая внимание загоревшегося Бернардо.

Инвесторы беззвучно точили зубы и с еще большей неприязнью сверлили глазами золотоволосого «принца».

– Верно, сынок! Мы камнем бросились вниз, чтобы урвать свой кусок, и благополучно сжали в когтях добычу. Великолепно сыграно!

Сосед по столу слева от Аурелио, представительный мужчина в очках с золотой оправой, не скрывал своего презрения к нему и задыхался от прогорклого шлейфа парфюма, тянущегося от самой двери. Пролистав стопку документов, лежащую перед ним, он покосился на Риччи и обратился к Бернардо:

– Позвольте уточнить, синьор Марино, разве в инвойсе для китайцев не нужно было указать...

– Не сейчас, Дюран, у меня важное объявление и мало времени. Итак, я с гордостью хочу представить вам нового члена Совета и мою правую руку – Аурелио Риччи.

Он попросил его приподняться и положил тяжелую руку на хрупкое плечо зятя.

– Смышленный парень. Он немало усилий приложил, чтобы поднять нас с колен. Наверняка вы все знаете, что он был и является женихом моей дочери, поэтому, смею надеяться, никто из вас не уличит меня в протекции: пара-тройка дней и Аурелио продемонстрирует свои умения и пользу. Я возлагаю на него большие надежды!

– Довольно эксцентричное решение. – высказался кто-то с обратного конца стола. – Сколько вам лет, юноша?

---

¹² Проспект ценных бумаг – официальный документ, который содержит существенную информацию о компании и его ценных бумагах.

– Я внес правки в Устав, Паскуаль. – возразил ему Бернардо. – Теперь в Наблюдательный совет можно попасть, достигнув 26-ти лет.

– Он должен набрать большинство голосов, мы не можем доверять контроль компании каждому смазливому личику.

– Ты забываешься, Паскуаль! Я не сказал ни слова, когда ты от моего лица слил из ревизионной комиссии Романа. Доверие, друг мой, доверие! И пока я здесь главный парламентарий, моё слово – слово MarinoWideUnion! Парень останется в Совете, назначаю испытательный срок длиною в месяц. По его истечению будет проведено голосование на предмет того, останется он в Совете или нет, это – окончательное предложение, и оно не подлежит обсуждению!

Аурелио мастерски скрывал дрожь в своих поджилках, ведь другой реакции он и не ожидал. Бернардо сделал глоток воды из стакана и смахнул капли с губ манжетой.

– На этом у меня все. – отрезал он и накинул на плечи пиджак. – Бруно, отчитайся о результатах кампании по вчерашнему плану.

– Разумеется, синьор Марино. – кивнул худощавый лысый джентльмен и достал из дипломата папку и лазерную указку.

– Аурелио, на пару слов. – позвал Бернардо и оба они молча вышли из зала под голосистое вещание Бруно. – Ты неплохо держался. Ничего... Пусть злорадствуют, их третирование послужит для тебя отличным мотиватором.

Он похлопал его по плечу и повлек за собой к лифту.

– Не беспокойтесь, синьор Марино, я не подведу вас. Простите... Но ваш энтузиазм сегодня... Как это понимать? Наша Анна...

– Аурелио, сынок, послушай меня: сегодня для нашей семьи зажглась счастливая звезда. Мы должны немедленно выехать в мой особняк.

– Да что происходит, объясните же наконец!

– Объясню по пути. Это касается Анны.

– Анны?! Вы хотите сказать, что...

– Именно!

– О Боже... – сперло дыхание у блондина.

– Через час в мой дом прибудет детектив Моритт – один из той сотни сыщиков, что ведут расследование, и похоже, у него твердые намерения отработать объявленный нами гонорар. Он сообщил, что следствие сдвинулось с мертвой точки, и у него для нас есть новости. Хорошие новости!

– Она жива?

– О чем ты, иначе и быть не может! Скоро, очень скоро она вернется домой, и вернется живой и невредимой.

– Но... А вдруг это – блеф? Кто это такой – этот Моритт?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.